

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

КОДЕКС
РАЗВЕДЧИКА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Кодекс разведчика

«Автор»

2007

Самаров С. В.

Кодекс разведчика / С. В. Самаров — «Автор», 2007 — (Спецназ ГРУ)

Когда на отставного подполковника ГРУ Русинова менты надели наручники, он не сопротивлялся: явное недоразумение. Когда же ему предъявили обвинение в убийстве, он понял: надо бежать и проводить собственное расследование. Для спеца подобного класса побег – дело несложное, а с расследованием труднее – много «мутных» обстоятельств, да еще на «хвосте» висят разъяренные менты и какие-то непонятные типы, то и дело приходится вступать в перестрелку и заметать следы. Но у спецов ГРУ легких задач никогда не бывает. Русинову удастся «пробить» ситуацию. Все гораздо сложнее, чем он думал – в городе находится законспирированная группа террористов, готовящая масштабный теракт. Тут без Интерпола не обойтись. Да и свои ребята из ГРУ тоже подключились. Теперь можно повоевать в полную силу...

© Самаров С. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Самаров

Кодекс разведчика

ГЛАВА 1

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ РУСИНОВ,

подполковник в отставке

Просто и быстро – прочувствовал момент, и – скользкий шаг в сторону. Как в игре, когда знаешь, что ты игрок гораздо более сильный...

И пуля пролетела мимо, со звоном срикошетила от кирпичной нештукатуренной стены и разбила стекло в двери, запирающей коридор с торца. Там, за стеклянной дверью, балкон, улица и свежий, слегка морозный воздух.

Там пуле хорошо будет лететься...

Но почему стекло разбилось? Должно быть, пуля в самый край угодила, задев и расщепив раму. Иначе не посыпались бы осколки. Обычно пуля, желая свежим воздухом подышать, просто оставляет в стекле дырку. Даже в двойном или в тройном стекле, которое в стеклопакеты устанавливают. Двойная или тройная дырка, и никаких осколков, никакого звона. А тут...

Звона слишком много... Так не надо бы...

Но игра продолжается... Увлекательная... Еще один стремительный скользкий шаг, как по льду, – к нише в противоположной стене... Провокация с моей стороны... Стреляй же... Стреляй! Именно так, иначе ты не умеешь... И с обязательным опозданием, как я и предположил уже после первого выстрела... С такой реакцией даже мух газетой бить сложно...

Вторая пуля просто пересекла коридор по длине. Даже стекла теперь не нашлось, чтобы ей отметить там развлекающим задеревенелую твою душу звоном...

Плохо ты, мент, стреляешь... Хладнокровия тебе, дураку, не хватает, торопишься, похоже, на тот свет... Ну, пули уже полетали, и будет... Теперь твоя очередь... Ты обязан, поскольку я не стреляю, предположить, что мне стрелять не из чего, и пойти на сближение... Не сообразил? Обязан! Теорию, дурак, изучать надо было... Еще выстрел, на этот раз просто пугающий, его еще прикрытием, если помнишь теорию, иногда называют... Давай, работай!..

Третий выстрел последовал, как по просьбе, и попытка одновременного неуклюжего рывка тоже последовала.

А ответный выстрел прозвучал, почти слившись с третьим, и мент упал лицом вниз, не остановившись, только башкой игриво вздернув, чтобы сильнее о пол удариться. Заказывали? Получите скандал...

Но я не вышел сразу. Присмотрелся и прислушался. Шума со стороны нет. Это, кажется, все, что было способно мне противостоять... Это... Чучело... Мент... Остальные – где-то... Только вот есть они или нет? Не должно их быть, тем не менее мент здесь оказался... Надеюсь, в одиночестве...

Но про осторожность забывать все-таки нельзя... И потому к менту я приблизился опять скользким шагом, чтобы самому звука не издать и контролировать выход на лестницу. Где один мент оказался, там и другие быть все же могут. Они часто, как грибы-поганки, рядышком растут... Но по мере приближения я убедился в тишине. Никто не рвался со мной побеседовать тет-а-тет... Впрочем, тишина имеет дурную привычку быть обманчивой, и кто-то может так же красться, как крался я... Всегда стоит предполагать, что противник тоже умеет воевать лучше, чем этот экземпляр, попавшийся мне первым. И потому я лестницу все-таки обязан контролировать...

– Ментам все же следует уметь лучше стрелять... Слышишь, экземпляр?..

Пятно крови вытекало из плеча на пол. Я перевернул его лицом к потолку. Фу... Ка-а-акой перегар!.. С такого похмелья-то, конечно, в упор в слона не попадешь... Хоть из «макарова», хоть из «калаша»... Руки, наверное, ходуном ходили. Куда ж ты тогда полез, поганый...

Глаза закрыты. Прикоснулся к горлу. Кровь в сонной артерии пульсирует. Жив, значит, урод... Легкое пробито, это не страшно.

А оружие твоё лучше забрать, ты им все равно пользоваться не умеешь...

Вот как... А оружие-то у тебя не табельное... То-то мне звук выстрела странным показался... Менты в нашей стране, насколько я помню, хотя с ментами дела имею мало, пока только «макаровыми» вооружены. А «манурины»¹ во Франции носят. Я бы принял тебя за француза, но у них форма другая... К тому же французы, я слышал, не любят нашу «паленую» водку. Они свое слабенькое винцо пьют, хотя тоже без закуски...

И трубку мобильника, кстати, тоже забрать...

Ею ты пользоваться, надо полагать, умеешь, а говорить тебе сейчас вредно... Извини, козел, за заботу... Начнешь болтать, будешь волноваться... Это плохо сказывается на слабом похмельном организме... С абстинентным синдромом шутки плохи...

Я подтянул погон на плече, чтобы к далекому и неверному свету с лестницы его повернуть. Подполковник, так и есть... Мне говорили, что есть такой подполковник... В чинах вроде бы мы в равных... Чего ж тебе в жизни не хватало? А? Все от жадности... Жадность, она до добра никого еще не доводила...

Но ничего, теперь погоны с тебя снимут... Много ты гадостей людям своими погонами сделал... Нельзя такому человеку погоны носить...

Однако торопиться и мне тоже следует. Пусть в соседних двух домах никого нет, но через два дома солидный особняк окнами светится и громкой музыкой звучит. И на первом, и на втором этаже свет. Есть, похоже, людям, чем за электричество платить... Там могли выстрелы услышать, несмотря на музыку... Может быть, там даже охранники есть, хотя это едва ли... Те, кто охранников держат, особняки в три или четыре этажа строят и участки имеют, которых в этом поселке с биноклем не видно. Тем не менее... Даже хозяйева куда следует позвонить могут, потому что за себя тоже побаиваются... Любой будет побаиваться, когда рядом стреляют... Надо быстрее свое дело сделать и уходить... И потом уже следователю позвонить, чтобы следаки своего подполковника забрали. В «обезьянник»... Только туда ему и дорога... Перевяжут, и за решеточку...

Но пока звонить рано... Два этажа осмотреть требуется и подвал... Вернее, полтора этажа и подвал, потому что половину второго этажа, с которого я и начал, я уже осмотрел. А потом на мента наткнулся... Вернее, он на меня натолкнулся. Шум услышал, дурак, свет в своей комнатке включил и вышел в коридор в полосе света. Тогда я и увидел, что это мент...

Связывать я его не буду... Вот... Зашевелился уже... И перевязывать тоже не буду... Сам себе сейчас что-нибудь к ране приложит, чтобы кровь не хлестала... Я такие раны знаю... Сам с такой раной в Афгане до своих двое суток добирался... Правда, меня с двух сторон солдаты поддерживали, чтобы не споткнулся и на рану не упал... И перевязан я был... Конечно, я тогда был молодым и здоровым капитаном, помоложе мента и физически крепче. Но ему двое суток по горам не идти... Пару часов потерпеть, к нему приедут... И перевяжут, и свяжут... Полный комплекс услуг... И даже допросят, надеюсь... Но, чтобы допросили, мне следует хоть что-то здесь найти... Пока я нашел только два неполных ящика «паленой» водки, а это не улика...

¹ «Манурин» – специальный полицейский револьвер, состоит на вооружении у французской полиции.

* * *

Почему, кстати, этот мент здесь застрял? Мне это, признаюсь честно, не совсем понятно... Единственный вариант, который я, при всем своем небедном воображении, предположить могу, – натура у него трухлявым дерьмом пропитана, и потому слаб мент на выпивку... С ног свалился от «паленой» водки и встать вовремя не смог, когда остальные встали и уехали... Они ведь именно «паленой» водкой в последний раз и разжились... Это тоже от жадности... И водка «паленая», и то, что мент ее перекушал...

Тщательный обыск проводить у меня ни времени, ни возможности нет. Тем не менее желательно бы не упустить что-то важное... И я переходил из комнаты в комнату, пользовался фонариком, чтобы включенным светом внимание не привлекать.

В той комнате, где мент спал, постель не постелена, только грязный диван разложен. На таком диване не разуваясь спать не грех. И обогреватель рядом с диваном. Включен... Иного отопления в доме пока нет, а за стеной не Африка... Но на диване даже подушки нет, хотя скомканное одеяло на полу валяется. Это он сбросил, когда услышал меня. Я-то думал, что в доме вообще нет никого. Потому и не слишком старался быть неслышанным. А он услышал, на свою голову... То есть на свое плечо... Или на грудь чуть ниже плеча... Это не важно... Надо думать, принял меня за простого грабителя... Наверное, похож, хотя я к этому вовсе и не стремлюсь...

Ладно, мент пусть остается «лежачим полицейским»² в коридоре, а мне искать надо, иначе я просто зря сюда вламывался и стрелял зря. И я продолжил обыск. И нашел-таки...

В ящике письменного стола в угловой комнате на втором этаже, в последней комнате на втором этаже, – шесть синих автомобильных номеров. Ментовских номеров... Интересно, не мой ли подполковник их сюда принес? Впрочем, их приносили не из ментовки – это пьяный ежик поймет и даже пьяный мент тоже. Настоящий ментовский номер – улика. А кому нужны лишние улики? Гораздо легче сделать фальшивые номера...

Тем не менее фальшивые номера в таком количестве – это тоже улика... Но улику трогать не полагается... Даже отпечатки своих лап оставлять на них не полагается, чтобы не сказали, будто я подложил. А так сказать могут и захотят. Надо жить проще: увидел – и оставь улику на месте для того, кого улики интересовать должны... Не забудь только, где оставил...

Теперь первый этаж остался и подвал. Пора туда...

А менту «лежачим полицейским» быть не понравилось. Он уже сел и даже передвинулся ближе к лестнице. Метров пять одолел. И рану носовым платком прижимает. Платок мятый и грязный. Но это его проблемы. Лучше бы, конечно, не ползал, так кровь быстрее остановится. Но он ползет... На первый этаж спуститься желает...

– Как твое драгоценное самочувствие? – поинтересовался я.

Материться его, как я сразу понял, долго и хорошо учили, и он не в двоечниках ходил. Выучили все-таки, хотя для полноценного эффекта у него сейчас голоса не хватает. А без соответствующего голоса мат колорит теряет и превращается в банальную кухонную ругань...

– Ты не переживай... Может быть, и выживешь, к сожалению...

– Знаешь, сука, что делают с такими... – прошипел он.

А изо рта выдавливается кровавая пена. Похоже, я ему легкие или бронхи все-таки прострелил. Дыхание кровавое... Но это тоже несмертельно.

– Я бы на твоём месте поинтересовался, что с такими, как ты, делают...

² «Лежачий полицейский» (*водительский жаргон*) – специально устанавливаемое на проезжей части дороги небольшое препятствие, не допускающее разгона машины. Как правило, ставится во дворах жилых домов, рядом с автозаправочными станциями, недалеко от школ, популярных переходов и т. д.

– Попадешься – двух допросов не переживешь...
– Отставить разговоры в строю, товарищ подполковник... – порекомендовал я. – И сидел бы ты лучше на месте... Так кровь быстрее остановится... Послушай совета опытного человека... Приедут и помогут... А сам не суетись под клиентом...
– Откуда ты взялся?... – спросил он.
А мент, похоже, до сих пор не сообразил, с кем дело имеет. Может, это и к лучшему...
– Твой дом? – вводя его в дополнительное заблуждение, спросил я.
Он опять начал длинно, но не слишком красиво материться. Это слушать неинтересно...
– Ладно, отдыхай, поганый...
Я стал по лестнице спускаться, чтобы не тратить время на напрасное пререкание. Все равно он мне ничего дельного не скажет.

* * *

Дальнейший осмотр дома тоже кое-что дал. Первый этаж, к сожалению, окрыляющих надежд не оправдал, но на подвал надежды были более отрадны, и не напрасно, как оказалось. В одной из комнат, где вдоль всех стен аккуратные полки были пристроены, нашелся рожок от автомата. Полный патронов. Интересно то, что патроны от «АК-47», то есть калибра 7,62. Такие автоматы, как и патроны, с вооружения сняты. Три комнаты в подвале оказались забранными металлическими дверями с внутренними замками, и открыть их, за отсутствием инструмента, я не мог, хотя любопытство, признаюсь, мучило. Ладно, откроют другие, кому полагается...

Теперь можно звонить... Я глянул на часы. Половина шестого утра. Пора просыпаться, гражданин следователь, не то ваш поганый совсем кровью изойдет. Не моя в этом вина, он матерится, а при этом давление повышается... И кровотечение усиливается...

Номер я набрал, естественно, с трубки мента. Ни к чему пока «засвечивать» собственный номер и тратить собственные деньги, не зная даже, сумеешь ли когда-то в ближайшее время пополнить их. Длинные гудки длились долго. Наконец ответил очень сонный голос.

– Слушаю...
– Максим Юрьевич? – на всякий случай спросил я, потому что голос сразу не узнал. Голос сонного человека всегда отличается от голоса человека в нормальном состоянии.

Он прокашлялся.

– Да-да, я слушаю...

Вот теперь узнал, это он, и с номером меня не обманули.

– Иван Сергеевич вас беспокоит...

Пауза выражала и удивление, и негодование. Похоже, Максим Юрьевич так зубы от злости стиснул, что с трудом разжал их.

– Где вы? – спросил он.

– Хочу предложить вам найти общий язык... Вы мне верить не хотите, но это естественно, и я не в претензии. Тем не менее я хочу поработать на вас. Согласен даже не на полставки, а просто внештатным сотрудником. Полставки можете взять себе...

Он опять долго молчал. Наконец ответил сурово, будто дворовый пес вороне, которая у него сосиску украла:

– Я предлагаю вам просто приехать напрямую ко мне в прокуратуру и написать явку с повинной... Иначе у нас с вами разговора не получится...

Интересно, оскалится он, как пес, после этих слов?..

– У нас с вами не получится разговора на ваших условиях... Выслушайте сначала мои, потом будете свои предложения высказывать... Вы мне показались с первой встречи челове-

ком умным и рассудительным. Постарайтесь меня не разочаровать, иначе у вас будет только очередной «висяк»... Поймать меня вы все равно не в состоянии...

– Всем преступникам так кажется... Я от многих слышал подобное, от опытных преступников, не одну «ходку» имевших, но ни один, слышите, ни один из них избежать наказания не сумел...

– Это потому, что они преступники, а я – нет. По крайней мере для вас и для закона – нет. Ваше дело верить мне или не верить. Но поверить придется, потому что я намерен доказать вам свою правоту. Обратитесь за консультацией в диверсионное управление ГРУ. Там вам объяснят все наглядно, хотя, думаю, и без примеров, которые способны были бы вас впечатлить, и сообщат мою деловую репутацию. Тогда вы поймете, что я вам не по зубам... Вместо противостояния я предлагаю вам, как уже сказал, сотрудничество, чтобы совместными усилиями найти настоящих преступников...

Я не хвастался. Я искал наиболее скромные аргументы, способные убедить следака. Не рассказывать же ему эпизоды из своей биографии, как, например, я командовал группой, которая по своему усмотрению сменила короля в одном африканском королевстве. А это, может быть, еще достаточно незначительная характеристика. Но убедить его как-то надо...

– Хотя бы тот факт, что я сумел найти номер вашего мобильного, вам уже многое может сказать. И знаю также ваш домашний номер и ваш адрес, то есть все данные, которые закрыты для простых смертных... Я не простой уголовник, я вообще не уголовник, я прекрасно подготовленный за счет государства диверсант, подполковник спецназа ГРУ... Государство умеет готовить высококлассных специалистов и здесь не бросает деньги на ветер. Хотя бы в нашей сфере деятельности, уверяю вас, высококлассные специалисты не вымерли с развалом СССР...

Он помолчал. Долго молчал. Осмысливал. Характеристику на меня, думаю, они уже запросили. И Максим Юрьевич, старший следователь областной прокуратуры по особо важным делам, человек, несомненно, вдумчивый и не глупый, понял уже, что с таким подозреваемым лучше дружить. Но дружить ему запрещает долг следака и внутренняя гордость человека, которого, так ему, наверное, кажется, обманули. Внутри что-то артачится, на дыбы встает... Но он решится. У него нет выбора, и он это понимает...

– Говорите... Ничего обещать не могу, могу только выслушать вас и ваши предложения...

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ ШТОРМ,

старший следователь по особо важным делам

Я приехал домой уже в половине второго ночи, со слипающимися от усталости глазами, звонить в дверь, естественно, сразу не стал, хотя знал, что у нас что-то не в порядке с дверным замком. Тем не менее замок усилиям поддавался легко – даже когда глаза почти не видели, что я делаю, за что я остался ему благодарен. И я благополучно вошел в темную прихожую. Люся, жена, уже, слава богу, спала и, похоже, не ждала меня сегодня. И хорошо, не надо в очередной раз оправдываться... Тем более что сегодня оправдываться, когда ни в чем не виноват, особенно неприятно. Задержался я вовсе не у Светланки, как она, наверное, опять думает, а только потому, что опрашивал в госпитале тех трех олухов, что упустили подозреваемого. Прямо в ординаторской опрашивал, презрев мнение врача о необходимости отдыха для побитых и подбитых караульных...

Естественно, задержался надолго... И в госпитале не стремился соблюдать тишину и оберегать покой больничных палат. А вот дома ступал тихо, как качественный вор. На кухню не заглядывал, хотя сегодня обедать мне было некогда. И даже чай пить не стал вопреки своей старой привычке перед сном выпивать чашку слабенького чая. Раздевшись в большой комнате, чтобы не греметь рядом с кроватью пряжкой ремня, прошел в спальню и молча, аккуратно лег, стараясь не разбудить Люсю, если она спала... Хотя скорее всего она не спала, а просто к стене отвернулась, не желая разговаривать и постепенно нагреваясь, чтобы к утру закипеть,

как самовар. Такое у нас порой бывает... Разговаривать она точно захочет только завтра, когда я уже буду опаздывать на службу... Никак не раньше, потому что раньше она будет только закипать... С одной стороны, это хорошо, потому что я слишком устал. С другой, не слишком хорошо, потому что опаздывать на службу я не люблю в силу любви к аккуратности.

Бессонницей, признаюсь, никогда в жизни не страдал и рассмеялся бы в лицо тому, кто мог сказать мне, что я буду страдать этим... Более того, я всегда страдал, мягко говоря, некоторой склонностью к сонливости, которую постоянно и успешно перебарывал. Но в этот раз уснуть я не мог долго. Все что-то вертелось в голове такое, что вроде бы должно натолкнуть меня на единственно правильную мысль, однако уловить эту деталь, этот нонсенс или что там еще может быть подобное, никак не мог. Не получалось... Знаю, конечно, что, когда стараясь мысль в ворохе других мыслей выловить, это ни за что не удастся. Надо просто мысли отпустить, и нужная сама в голову придет и займет свое место именно на той полочке, где ей и положено храниться. Но отпустить мысли никак не получалось. Наверное, общее возбуждение нервной системы сказывалось.

Еще бы возбуждению не быть... Даже для такого большого города, как наш, с без малого полутора миллионами населения, событие далеко выходит за рамки ординарных. Говорят, уже по телевизионным проклятым новостям в Москве об этом сообщалось и на каждом интернетовском сайте. Значит, стоит ждать, что по голове начнут со всех сторон долбить...

Вот в таком ожидании долбежки по голове я и уснул. Кажется, только-только уснул, когда почувствовал толчок в бок. Люся будила... И только потом услышал из соседней комнаты звонок своего мобильного, оставленного на поясном ремне в чехле. Поспешил к трубке, успев глянуть на часы – половина шестого.

Что еще случилось?..

Голос я не узнал сразу. Да и слышал-то я его не так долго, чтобы запомнить. Практически только односложные короткие предложения в ответ на свои вопросы...

А когда узнал, спать мне совсем расхотелось...

* * *

Дело, если посмотреть со стороны, простое и залихватских детективных ассоциаций совсем не вызывает. По крайней мере мне казалось, что оно не имеет путаного сюжета, хотя на своей практике я многократно убеждался, что самые запутанные дела в действительности оказываются наиболее простыми в раскрытии. Это потому, что в запутанных делах всегда присутствуют воз и маленькая тележка фактов и улик, которые сначала заставляют за голову схватиться, а потом уже, когда веником по ним пройдешься, пыль смахнешь, выбросишь лишнее, оставшиеся выстраиваются неразрывной цепочкой и говорят довольно красноречиво о пути, который следователю стоит выбрать среди множества других возможных путей. Но и простые дела обычно раскрываются сразу, часто простым «наездом». Необходимо только получить признание обвиняемого, которое, как правило, наступает после второго или третьего допроса. Реже после первого... Когда человек «наезда» не выдерживает, характером, то есть, не в ту сторону вышел...

Итак... Где-то на Украине, или, как принято сейчас говорить, «в ближнем зарубежье», скончалась пожилая женщина, вдова малоизвестного провинциального художника, но известного коллекционера картин русского авангарда начала прошлого века. Согласно официальному завещанию она, за неимением прямых наследников, решила оставить коллекцию картин племяннику мужа. То есть не племяннику непосредственно, а, как странно и безответственно было записано в завещании, «семье племянника» Ивана Сергеевича Русинова. Оставим формулировку на совести украинских нотариусов, непонятно на какие законы опирающихся, – после смерти завещателя исправлять ее все равно было уже нельзя. При этом женщина, поскольку

давно с племянником мужа не общалась, знала только город, где он проживал около пятнадцати лет назад. Но семью эту она помнила по единственной давней встрече. Малограмотный нотариус даже об этой встрече вставил строчку в завещание. К некомпетентности специалистов мы у себя в России давно привыкли. И некомпетентность специалистов из других стран кажется нам дикостью. Но с такой дикостью встречаться порой еще приходится. Нотариус, составлявший завещание, оправдал странную формулировку тем, что завещательница знала только, что племянник мужа служит в каких-то частях спецназначения и постоянно рискует жизнью, поэтому его к моменту составления завещания уже могло и не быть в живых. Перестраховка, непонятно зачем необходимая... О том, что в случае смерти Русинова в права наследования вступали бы наследники племянника, она не упомянула, даже если об этом и знала. Так по крайней мере действуют российские законы, а какие там на Украине законы, я не знаю... Ну, да господь с ними, с нотариусами, но хлопот они следственным органам способны доставить много. И не только следственным органам, но и самим наследникам...

Будь наследство поменьше, наследникам вообще, чтобы не возиться, лучше бы отказаться от него только из-за дурацкой формулировки. И все бы ничего, но эксперты оценили коллекцию картин в кругленькую сумму – шестнадцать миллионов долларов. Сумма многим одним упоминанием бьет по ушам так, что зрение теряется. Когда такие деньги есть у кого-то – это смотрится нормально. А тут вдруг да тебе... У некоторых руки задрожат от волнения и последние волосы на лысине выпадут...

А там еще возникли многие сложности с украинскими законами, запрещающими вывоз художественных ценностей за пределы страны, но эти сложности предстояло решать самим наследникам, а до того... До того им предстояло основательно передрасться, опять же друг другу волосы выдрать и физиономии расцарапать, но наследство разделить.

Главная сложность вопроса возникла тогда, когда в нашем городе была найдена жена Ивана Сергеевича и его дочь. Сам Иван Сергеевич Русинов, отставной подполковник спецназа ГРУ, с женой развелся больше десяти лет назад, и последние годы проживал в Москве. Нашли и его. Новой семьи Иван Сергеевич не завел. Но даже если бы и завел, юристы вполне могли бы оспорить его приоритет на коллекцию, поскольку в завещании упоминалась семья, с которой завещательница встречалась, а никак не другая, которую вполне мог бы создать Иван Сергеевич. Один вопрос разрешился просто, предстояло решить другие. Органы юстиции предложили наследникам подписать мирное соглашение о разделе коллекции, чтобы не растягивать дело в судебных инстанциях, которые в первую очередь будут настаивать тоже на мирном соглашении. С этой целью Ивана Сергеевича Русинова, как пенсионера, не обремененного работой и имеющего свободное время, пригласили в наш город. Естественно, он приехал, будучи готовым к обсуждению вариантов. Наверное, рассчитывал все же получить большую долю, если не половину, поскольку именно он являлся главным наследником и родственником умершего художника. Теоретически резонно предположить, что и суд согласился бы с таким разделом. Но Русинов, наверняка уже советовавшийся с адвокатами, адвоката с собой почему-то не привез, словно знал, что помощь адвоката в вопросе раздела наследства ему не понадобится совсем или понадобится не скоро...

Последнее обстоятельство не является даже косвенной уликой, тем не менее дает значительный повод к серьезному размышлению, в какой-то степени подтверждающий его вину. Намек на улику, который каждый суд должен принять во внимание...

С двадцатитрехлетней дочерью Ольгой Иван Сергеевич встретился сразу – та приехала встретить отца на вокзал, и, наверное, разговор о наследстве и там возникал, хотя следствию об этом ничего пока не известно. С бывшей женой, Людмилой Анатольевной Русиновой, состоящей в гражданском браке с другим мужчиной, только предполагал встретиться вечером, когда она вернется с работы, чтобы обсудить проблемы не на бегу, а в спокойной обстановке.

Иван Сергеевич остановился у своего приятеля, бывшего сослуживца, и созвонился с Людмилой Анатольевной. Встречу назначили вечером в кафе «Кавказский дворик».

Приехав с работы домой, Людмила Анатольевна успела приготовить для мужа и дочери, проживающей с ними, ужин и вышла из дома, чтобы отправиться на свидание с уже бывшим мужем. Первоначально она договаривалась с Иваном Сергеевичем, что на встречу приедет с Аркадием Ильичом, настоящим мужем, человеком деловым и имеющим хватку, следовательно, умеющим вести переговоры, обещающие быть непростыми. Но воспротивилась дочь, желающая присутствовать при первом разговоре. Аркадий Ильич не был против того, чтобы на свидание поехали мать с дочерью, и настаивал только на том, чтобы они без его присутствия не подписывали никаких бумаг. Дочь переодевалась и просила мать подождать ее в машине. Машину Людмила Анатольевна обычно оставляла у подъезда. Итак, без пяти минут миллионерша вышла... Завелась машина без проблем, но, едва женщина включила передачу, чтобы развернуться, прозвучал взрыв. Эксперты установили, что к рычагу коробки передач была присоединена «растяжка» от установленной в боевое положение гранаты «РГД-5». Естественно было предположить, учитывая военное прошлое Ивана Сергеевича Русинова, что устанавливать «растяжки» он умеет квалифицированно. Отставного подполковника арестовали в тот же вечер в кафе «Кавказский дворик», где он и должен был встретиться с бывшей женой и делал вид, что удивляется ее опозданию.

Столик при этом был сервирован на троих...

* * *

На первом же традиционно скучном допросе, когда я, слегка постукивая кулаком по столу, объяснил Ивану Сергеевичу Русинову суть обвинения, которое против него выдвигается, он, не высказав ни возмущения, ни каких-то других эмоций, просто замкнулся, словно обдумывал что-то. И не сразу отвечал на мои вопросы. Тем не менее признать вину, естественно, отказался, произнес только одно сакраментальное слово, которое сначала произнесут почти все обвиняемые:

– Нет...

Другого я и не ожидал. Подполковник, если это он подготовил взрыв, думается, знал, что обвинение ему предъявят, и подготовился к отрицанию. Следствию необходимо было только собрать улики, найти свидетелей, которые могли бы видеть Ивана Сергеевича рядом с машиной или даже просто во дворе, и тогда все пошло бы по проторенной дорожке – к суду... И вообще, первый допрос никогда не бывает долгим, я и сам должен был сначала обдумать все факты, чтобы разговаривать с ним более аргументированно и по выстроенной тактике. И потому, не добившись сразу признания, я позвал конвоиров и приказал отвезти задержанного в СИЗО. И уж никак не ожидал каких-то сюрпризов, поскольку с офицерами спецназа до этого дела не имел и не предполагал, насколько они наглые. Сюрпризы начались через две минуты, когда, задыхаясь от застарелой астмы, прибежал дежурный по прокуратуре. Иван Сергеевич, этот пенсионер-подполковник, обладатель седой головы, каким-то образом, как старый фокусник в цирке, сняв наручники, голыми руками «уложил» вооруженных конвойных и водителя машины, и на этой же машине, выбив запертые ворота и чудом не задавив охранника у ворот, скрылся. Машину, впрочем, нашли через четыре квартала от прокуратуры. Ивана Сергеевича, несмотря на объявленный стандартный план «Перехват», задержать, естественно, не удалось. «Перехвата», как показывает практика, должны в первую очередь бояться не главные фигуранты, а случайные люди, забывшие из-за склероза выложить из кармана незарегистрированный пистолет или не успевшие заглотить все порции наркоты, что привычно носили с собой «для личного потребления».

Слава богу, бежал Иван Сергеевич не из моего кабинета, тем не менее после допроса у меня. И наручники Ивану Сергеевичу надевали в моем присутствии. Надевали по всем правилам. Но он как-то сумел их открыть. После этого прокурор области, к несчастью, оказавшийся в такое позднее время в кабинете, пообещал мне продолжение карьеры в должности деревенского прокурора в отдаленном районе области, если в течение недели я не поставлю в таком ясном деле точку и не передам материалы в суд. Можно подумать, что это я обязан бегать по улицам и искать обвиняемого, я – а не менты... Впрочем, план поисковых мероприятий должен быть согласован со мной. Но пусть сначала представят мне этот план...

Одна из версий предполагала помощь при бегстве со стороны кого-то из конвойных. Но все они имели хороший послужной список, не имели с беглецом ранее никаких контактов и вообще не имели причин, чтобы дать Ивану Сергеевичу любезную возможность отправиться в бега. Вопрос о том, каким образом он открыл замок в наручниках, остался висеть в воздухе. Конвойные же сами пострадали. У каждого из троицы сотрясение мозга, у одного в дополнение сломана челюсть, у другого трещина в шейном позвонке, которая долго не позволит ему оглядываться...

Я обязан был быть в курсе дел и мероприятий, проводимых ментами, и я уехал из прокуратуры в городское управление, где сидел несколько часов рядом с дежурным, ожидая сведений. Утром предстояло пойти на доклад к прокурору области, и идти на доклад выпавшимся было по крайней мере неприлично...

Поиск был предпринят по всем возможным направлениям. Сразу запросили ГРУ относительно сослуживцев подполковника Русинова, проживающих в нашем городе. Неохотно, но дали небольшой список – три человека... Правда, из-за позднего времени общаться пришлось через дежурного, а не напрямую с управлением кадров ГРУ. Дежурный наши проблемы уважить с полной ответственностью не захотел и выдал только минимум данных. ГРУ, как известно, самая закрытая система из всех наших спецслужб, и даже единственная, кто не имеет своего пресс-центра. Но другого мы и не ожидали... Трудно было рассчитывать, что военные разведчики пожелают раскрыть перед нами агентуру... Получите три адреса и заткнитесь!..

Хотя, согласно данным наших ментов, в городе проживает не менее пятнадцати отставных офицеров спецназа ГРУ. Но только по одному адресу из трех Иван Сергеевич Русинов показывался сразу по приезде. Еще до задержания... И там же собирался ночевать, однако вечером не пришел. Другие адреса, которые возможно найти через военкомат, должны были проверить ночью, если удастся поднять с постели работников военкоматов. Но они должны быть привычны к подъему по тревоге. А пока искали и по гостиницам, и по притонам, и даже по подпольным публичным домам, где преступники считают модным прятаться. Бесплезно... Даже слуха не было об отставном подполковнике...

* * *

И надо же, вот он объявился... Сам... Под утро... Телефонным звонком...

Спасибо, конечно, ему, что снял с меня часть тяжести неизбежного разговора с женой из-за ночной задержки. Теперь есть наглядный аргумент, помогающий с гордостью продемонстрировать мою семейную честность. Но чего хочет подполковник, я так и не понял...

– Говорите... Ничего обещать не могу, могу только выслушать вас и ваши предложения... – сказал я, лихорадочно думая, как мне определить его местонахождение или как попытаться заманить на встречу. Сам, конечно, я не смогу справиться с ним, хотя и имею спортивное прошлое. Но мое спортивное прошлое, всего-то навсего лыжное, дает мне только здоровые легкие, крепкое сердце, отвращение к курению и больше ничего. Но всегда есть возможность прибегнуть к помощи СОБРа, а там ребята не промах и не уступят спецназовцу ГРУ, тем более отставному... По крайней мере они так говорят, и мне хотелось бы их испытать в деле...

– Я дам вам другой вариант поиска преступников... Возможно, он действительный, хотя категоричным быть я пока тоже не берусь... Два дня назад моя жена возвращалась на машине из командировки по области... Поздно вечером... На пустынном шоссе увидела, как какие-то ящики перегружают из одной машины в другую... Рядом стояла милицейская машина... Она бы не обратила внимания на все это – мало ли, сломалась одна фура, перегружают в другую, если бы не заметила лежащими на дороге двух человек... Лицом вниз, со связанными за спиной руками...

– Это она сама вам рассказывала? – спросил я слегка ехидно, сразу не слишком вникая в рассказ отставного подполковника.

– Вам, я вижу, неинтересно?... – у него у самого голос стал скучающим.

– Продолжайте, продолжайте... – его желание пустить следствие по другому руслу выглядело вполне естественным, и на это не стоило даже обижаться. Обидным показалось другое – что он считает меня за дурака, хотя я имею два высших образования: сначала закончил политехнический институт, факультет приборостроения, потом еще и юридический. Впрочем, он этого не знает, и тем не менее причины считать себя дураком я не выказывал и заявления по этому поводу не писал...

Он продолжил:

– Так вот, Людмиле Анатольевне показалось, что она узнала одного из людей возле тех машин. Большая часть была в масках «ночь», но не все... Она даже рассказывала об этом вечером дома. Узнала она человека из соседнего подъезда. Я предполагаю, что и тот человек узнал ее... Может быть, просто по номеру машины. Я не думаю, что открою вам великий секрет, если сообщу, что в вашей области, скорее всего в областном центре, живет и работает банда грабителей, орудующая на дорогах области...

Нет, каково, а?! Уж не следствие ли решил учинить этот отставной подполковник? Пусть он и великий спец в своей области, но здесь-то спец не он, а я! И я лучше знаю положение вещей, хотя непосредственно этим делом не занимаюсь.

– Вы-то об этом откуда знаете? – задал я естественный вопрос, поскольку Иван Сергеевич и дня на свободе в городе не провел. То есть и дня не провел без того, чтобы не попасть в розыск. А человек в розыске обычно страдает от недостатка информации, и именно из-за этого часто попадается.

– Об этом на каждом углу говорят...

Здесь он прав. О банде грабителей говорят в городе на каждом углу... И на каждой оперативке в кабинете прокурора области. Кабинет, естественно, имеет тоже положенные ему четыре угла. И все углы слышат, что там говорится... И уже сколько было засад, сколько было рейдов проведено, сколько других следственных мероприятий – и все безуспешно. Бандиты прекрасно понимают, что информированность позволит им дольше ходить безнаказанными, и хорошо оплачивают работу информаторов. Вот и весь секрет их неуловимости... И еще – дерзость... Одно из ограблений было совершено рядом со стационарным постом ГИБДД, где «дальнобойщики» часто останавливаются на ночевку...

– И вы полагаете? – спросил я, проявив уже заинтересованность, но стараясь скрыть ее за холодностью интонации.

– Я полагаю, вам следует обратить больше внимания на дорожных бандитов. Они могут иметь отношение к убийству моей бывшей жены, поскольку она является свидетелем одного из последних преступлений. Кажется, ограбили фуру, груженную «паленой» водкой...

– Вам даже такие подробности известны? – Вот это уже было мне непонятно.

– Об этом тоже в городе говорят... – от ответа он уклонился.

Тем не менее его информированность имеет какие-то корни. По крайней мере теперь я точно могу сказать, что его кто-то прячет. Местный житель. Уже сейчас трудно найти этого человека, даже исходя из предпосылки, что он имеет отношение к спецназу ГРУ. А он может

и не иметь, поскольку в нашем городе Иван Сергеевич провел детство и юность и у него много друзей... Вот оно, то недостающее звено, из-за которого я не мог ночью уснуть. Мы не включились в розыск через друзей его детства. Должно быть, потому, что родился отставной подполковник в другом городе, но в десятилетнем возрасте переехал вместе с родителями к нам. Значит, есть новая задача, которую следует поставить ментам. Пусть поднимают архивы, пусть ищут – дом, двор, школу, спортивные секции, увлечения, что там еще может быть... И как можно быстрее ищут, пока не истек срок, данный прокурором области...

Я не хочу в деревню...

– Вы слышали меня? – переспросил Иван Сергеевич.

Кажется, я слишком задумался.

– Я оцениваю ситуацию... Так вы предлагаете нам прекратить ваш розыск и переключиться на другой, уже на протяжении года не дающий результата...

– Вы плохой следователь, Максим Юрьевич...

Надо же, он уже и профессионально оценивает мою квалификацию!.. Скоро по этому поводу прокурору области позвонит и даст тому втык...

– Что вы хотите этим сказать?

– Вы не обратили внимания на одну фразу из моего рассказа, которую следователь не имеет права пропустить...

– Это какую же?

– Людмила Анатольевна рассказывала вечером дома о том, что она узнала человека возле ограбленной фуры... Этот человек живет в соседнем подъезде на третьем этаже. Его фамилия Брызгалов. Брызгалов Владимир Саввович. Если вы им займетесь вплотную, то можете отыскать след настоящего убийцы...

Да, он и в самом деле включился в розыск. Только не советовал бы я ему этим делом заниматься... Не его армейского ума такие серьезные уголовные дела... И я не удержался, чтобы не съехидничать.

– Вы же, кажется, просились поработать у нас вне штата... Что же вы сами с ним не побеседовали?

– Я бы побеседовал и, в отличие от вас, сумел бы добиться признания быстро... Но он сейчас в отъезде... Правда, я посетил его строящийся загородный дом... Небольшой такой особнячок... Поселок Полетаево-3... Надеялся там найти господина Брызгалова...

– Нашли? – Вот уж совсем плохо, когда дилетанты, да еще дилетанты крутые, начинают заниматься сыском. Этот может таких дров наворочать... И потому я даже обеспокоился.

– К сожалению, самого Брызгалова на месте не оказалось. Там был только пьяный подполковник милиции, близкий друг Владимира Саввовича, с которым он минувшим вечером отправился то ли на охоту, то ли на рыбалку... Он первым начал в меня стрелять, и я вынужден был ответить адекватно. Если вы сейчас поедете туда, то найдете этого подполковника умирающим не от раны, а с похмелья... Он ту самую «паленую» водку пил... И стрелял в меня из французского револьвера «манурин», я оставляю вам револьвер сразу за дверью, в прихожей... Посмотрите по картотеке, что за этим револьвером числится... Еще... На втором этаже в крайней комнате от лестницы налево – фальшивые милицейские номера... В одной из комнат подвала на полке рожок от автомата «АК-47». Рожок, полный патронов... И еще несколько запертых комнат...

Я долго молчал, осмысливая сказанное. Информация была богатая...

– Извините, что бужу вас... – сказал отставной подполковник. – Но время не терпит... Займитесь этим срочно...

– Есть, товарищ подполковник! – сказал я со злым сарказмом. – Вы меня, полагаю, на месте дождете, чтобы провести инструктаж и дать дополнительные указания?

Он, в своей армейской тупости, не понял моего ехидства.

– Я уже покидаю дом...

И отключился от разговора. Я убрал трубку и обернулся на шорох. Жена стояла в дверях спальни и смотрела на меня с возвышенным чувством презрения...

– Спи... – сказал я.

– Эта шлюха уже и по ночам покоя не дает...

– Это звонили по работе... Это звонил, если тебе так интересно, преступник, убийца, который сбежал сегодня, едва покинув мой кабинет в сопровождении конвойных... Конвойных уложил и сбежал...

– И кого же этот преступник убил?

– Свою жену... Взорвал ее в автомобиле...

– А ты меня мечтаешь так же взорвать... – у нее собственная непоколебимая логика.

Я миролюбиво улыбался, натягивая брюки.

– Это его бывшая жена. Ты же у меня настоящая и самая лучшая... Успокойся. Они с женой делили наследство в шестнадцать миллионов долларов. Нам такое наследство не грозит, и мы убивать друг друга не будем...

Люся вдруг заплакала.

– Я эту твою шлюху убью... Твой пистолет украду и убью ее... И пусть тебя потом посадят... По крайней мере вы не будете с ней вместе надо мной смеяться...

Я ахнул, вспомнив, что брюки, когда я вытаскивал из чехла трубку мобильного, уже были подозрительно легкими. Но ведь на том же ремне, что чехол мобильного, с другой стороны, подвешена кобура с пистолетом... А когда я надел их, пояс ничто не оттягивало... Я бросился к креслу... Пистолет просто вывалился из кобуры. Клапан слабый – расстегнулся...

Я уже готов был за дверь выйти, когда мобильник опять голос подал. Я посмотрел на определитель, подумал пару секунд и убрал трубку в чехол. Капитан ФСБ Поваляев опять желает дать мне инструктаж... Не хочу слушать...

Но жена смотрела подозрительно.

– Она? – спросила.

– Не она...

– Как выйдешь, звонить начнешь...

– Я же сказал, это не она...

А трубка в чехле опять голос подала. Поваляев успокоиться никак не хотел. А я не отвечаю...

ГЛАВА 2

ОЛЬГА РУСИНОВА,

дочь подполковника в отставке

Когда маму, закрытую той грязной простыней полностью, вместе с лицом, загрузили в машину «Скорой помощи» и увезли, я пошевелиться не могла... Я вообще не помню, как тогда ноги переставляла, и вообще все происходящее в тумане было. И до сих пор туман из головы не выходит, клубится, какие-то эпизоды сдвигает во времени, одни приближает, другие удаляет, и все переплетает, путает...

Но что-то помню же, помню самое страшное... Тогда позвонили в дверь, потом громко застучали кулаком – соседи... Я в ванной была, подкрашивалась – перед папой хотела хорошо выглядеть, как Аркадий Ильич просил... Да и без него, сама хотела...

Стучали... Аркадий Ильич открывать пошел. У нас есть соседка такая, напьются с мужем вместе, потом она ко всем другим соседям ломится, спасения от его кулаков ищет... Я думала, опять она...

Это и в самом деле она оказалась. Я узнала визгливый треснувший голос:

– Людмилу Анатольевну взорвали... В машине...

Вода шумела, расслышать и понять мешала, но слова дошли, а смысл – нет... И я из ванной вышла, чтобы смысл стука в дверь и слов совместить и понять. Наверное, для меня повторили или мне это просто показалось, потому что фраза уже в воздухе висела и осязаемой стала, но я сразу поняла, потому что побежала, как была, в тапочках, которые сразу же и потеряла, по лестнице. Босиком дальше бежала... Но я этого не помню... Это потом уже Аркадий Ильич сам мне тапочки на ноги нацепил... После... А я не знаю даже, не помню, откуда там милиция взялась, откуда «Скорая помощь» появилась... Я и сирен ихних не слышала... Я дверцу в машине распахнула, в маму вцепилась, трясла ее, трясла и кричала... Когда-то давно фильм какой-то по телевизору смотрела, документальный. Про северных шаманов... Там шаман тряс умершего, кричал над ним, и умерший возвращался... Я так же хотела. Откуда-то в памяти кадры выплыли, и я повторять стала... Возвращала... И мама глаза открыла – вернулась ко мне...

– Не умирай, мама, не умирай... – просила я, сама чувствуя, что умираю... Что почти, как она, умираю... Нет, не так, конечно, как она, но тоже... По-своему умирала я... Но ее просила не умирать... Просила так, как никогда и ни о чем в жизни еще не просила. – У меня же никого, слышишь, кроме тебя, никого нет, мама... Не умирай... Не бросай меня одну...

Она глаза открыла и тихо сказала, почти прошептала:

– У тебя еще папа есть...

Аркадий Ильич за спиной стоял, на машину рукой над моей головой опершись. Как-то услышал это, хотя мама только шептала. Почти на ухо мне, близкой...

– Это он взорвал... – сказал злобно. – Он, некому больше...

И я испуганно на него обернулась. Наверное, что-то во взгляде моем он прочитал и замолчал... Как-то неестественно замолчал, словно словами поперхнулся, и дыхание у него остановилось...

– Это не он... – сказала мама. – Я знаю, он бы так не сделал...

Тут милиция подъехала, стали людей от машины отталкивать, два каких-то типа стали меня от мамы отрывать, а я не хотела. Я не отдавала ее им... Я ее вообще никому не хотела отдавать... Не могла отдать...

– Уйдите... Уйдите... – кричала и не отдавала...

– Да что ж вы ей руки выворачиваете! – возмутился за спиной Аркадий Ильич. – Дикари!.. Отстаньте от нее!..

Они отстали. Я так и не выпустила маму...

Потом, почти сразу, «Скорая помощь» приехала. Врач мне руку на плечо положил:

– Мы должны ей помочь, не мешайте, пожалуйста... – тихо так сказал, но твердо. Слова, будто камни мне на голову клал, увесистые... – Ей сейчас медицинская помощь нужна, а не ваша истерика...

Я поняла, что он не хочет отнимать у меня маму, что он, наоборот, вернуть ее хочет, и руки разжала. Но врач уже через минуту обернулся.

– Все, извините, поздно уже... – И провел ладонью по маминому лицу, глаза ей закрывая.

И я догадалась, что уже все кончено... Не из слов поняла, а сама догадалась... Увидела, как это кончается...

И впервые в жизни поняла, что существует страшное и убийственное понятие – *никогда*... *Никогда* уже не будет у меня матери... *Никогда*... *Никогда* уже не будет она обнимать меня... *Никогда*... *Никогда* уже она не будет меня угнетать своей такой надоевшей суетливой заботой... *Никогда*... *Никогда* уже я не буду ругаться на нее, кричать, что она мне надоела, что я взрослая и сама знаю, как мне жить...

Никогда-никогда-никогда...

От понимания всей ужасности этой пропасти под названием *никогда*, пропасти, в которую я сорвалась так нечаянно и так стремительно, у меня словно оборвалось все внутри. До смерти оборвалось. Сама я будто бы умерла в тот момент... Холод лютый в груди встал, и слезы замерзли, перестали из глаз катиться. И даже ноги онемели так, что я их не чувствовала.

Я, похоже, видела все происходящее вокруг и понимала. Говорят, во время клинической смерти душа от тела отделяется, видит все происходящее и понимает... И я так же... Я в клинической смерти была... И пошевелиться не могла. Кто-то тапочки мои из подъезда принес – я видела и слышала. Аркадий Ильич сунул мои ноги в тапочки, чтобы на холодном асфальте босиком не стояла – на дворе все-таки осень поздняя. Все я видела... Машина «Скорой помощи» тронулась, а я даже взглядом ее не проводила. Просто перед собой смотрела, и все, но все вокруг видела, будто бы сверху... Душа... Клиническая смерть...

Менты в маминой машине копались, осматривали. Аркадий Ильич стал ругаться с ними, он хотел мамину сумочку забрать, а они не отдавали.

– Там все ее документы, там ключи от дома, там семейные деньги... Вы не имеете права это забирать...

Он говорил трезво и уверенно. Так трезво и уверенно, что даже я понимала суть разговора. Сверху все слышала... Душой... Из клинической смерти...

– Возьмите, только, пожалуйста, ничего оттуда не трогайте... Мы потом при вас осмотрим содержимое... – сказал человек в штатском, который ментами командовал. И, дурак, подмигнул мне. Если бы я не была в клинической смерти, я бы ногтями в него, как кошка, за это вцепилась... А так не могла... Пошевелиться не могла...

Потом другой приехал, в синем прокурорском мундире. Кажется, важный, хотя и худой... Он стал командовать. К нам подошел. Соболезнования выразил. Я видела и слышала...

– Где бы нам поговорить? – Голос у него усталый, даже я это сверху отметила.

Вне времени, вне действия – все видела, слышала и отмечала... Словно это не я была... Все еще как-то сверху...

– Домой пройдемте... – сказал Аркадий Ильич, снял пиджак и на плечи мне набросил.

А я идти не могла, словно у меня из ног корни в землю проросли. Я даже пыталась пошевелиться, пыталась, но у меня не получилось... Может быть, и дерево тоже пытается с места сдвинуться, но у него не получается... Я будто бы деревом стала... Одеревенела...

Аркадий Ильич меня за плечи обнял, прижал легонько к себе и так с места сдвинул.

– Пойдем, пойдем... Простынешь...

Душа спустилась сверху и в тело вошла... Больно стало... Все тело – одна боль... Руки, ноги, голова, спина, грудь – только боль, и больше ничего... Все осколки гранаты, про которую рядом говорили, в моем теле остались... И болели...

– Пойдем... – Аркадий Ильич уже настойчивее сказал.

Кажется, я шла рядом с ним... И по лестнице поднимались. Лифт вызывать не стали. Четвертый этаж всего... И тот, в синем мундире, за нами шел... И еще двое каких-то...

И говорили что-то... Я слышать перестала, и мне казалось, что я мамину руку еще держу... Где-то около локтя взяла ее и трясу, будто бы кровь с рукава стряхиваю... И сама, наверное, тряслась... По крайней мере руки у меня тряслись вместе с маминим рукавом... Так и в квартиру вошли. Аркадий Ильич сразу стакан воды налил и что-то накапал туда. Пахло сильно. Дал мне выпить...

– Это валерианка... Выпей, хоть дрожать перестанешь...

А я все маму за локоть трясла, и потому, наверное, мои зубы о стакан стучали... Когда что-то так бесконечно трясешь, конечно, сама трястись будешь...

– Мне с вами поговорить надо... – тот, в синем прокурорском мундире, кажется, ко мне обращался. Я вроде бы кивала ему, но не собиралась с ним ни о чем говорить. Не хотела ни о чем говорить. *Никогда* не хотела говорить о том, что произошло, хотя уже твердо знала, что это произошло, и мама *никогда* больше не будет со мной такой назойливой, какой она была всегда...

– Вы же видите, в каком она состоянии... – сказал Аркадий Ильич.

Он ушел в комнату, оставив меня с этими незнакомыми людьми, я даже испугалась сначала, потом поняла, что со мной уже не может произойти ничего страшного после того, что произошло, *никогда* не может произойти что-то *страшнее*...

Аркадий Ильич вернулся с фужером в руках. Толстый, пузатый зеленый фужер на такой же пузатой ножке... До половины чем-то заполнен...

– Выпей, это коньяк... – сунул он фужер мне в руку, но и свою руку не убрал, чтобы я фужер не уронила. Даже помог мне это противное зеленое стекло ко рту поднести, и я выпила. – Это успокаивает...

А я не почувствовала, что это успокаивает. Только согрело... Сначала дыхание, потом и слезы оттаяли и снова потекли... И я ушла в свою комнату... Слова никому не сказала и ушла... Пусть они без меня разговаривают... Надо разговаривать, пусть разговаривают... Мне это не надо, мне это уже *никогда* не понадобится...

Я упала на кровать лицом в подушку и куда-то провалилась... Слезы лились, я задыхалась, я тонула в слезах, а голоса, чтобы реветь, не было... И ничего вокруг не было...

И мамы тоже уже *не было*... И *не будет* у меня уже мамы... *Никогда*...

* * *

Наверное, времени прошло много, несколько веков... И я давно состарилась... Но я не уснула. Я просто вне времени была и ни о чем не думала. Вообще – ни о чем... Только одна безысходность была в голове и в душе, только безысходность, и больше ничего...

Аркадий Ильич вошел в комнату. Я не видела его, но поняла, что это он. А кому еще было войти... Тем, что с нами в квартиру поднялись, здесь делать нечего... Они, наверное, ушли уже, и Аркадий Ильич закрыл за ними дверь...

– Оленька... – тихо позвал он, ответа не дождался, ближе подошел и сел со мной рядом на кровать, и руку мне на плечо положил. – Одни мы теперь с тобой остались...

И голос у него слабый стал, чуть не плаксивый. Наверное, он тоже переживал, наверное, и ему хотелось, чтобы его утешили, хотя он сильный и строгий мужчина – всегда таким казался, сильным и строгим, которого женской слезой не прошибешь...

Я только вздохнула, может быть, не вздохнула, а застонала, но ничего не сказала. Не могла же я его утешать...

Он, наверное, понял, что слов для меня найти не сможет, а я не смогу слов для него найти. Разве это трудно понять... Это же всем понятно...

– Ты полежи, успокойся... Я пойду...

Но сразу не вышел. Еще ждал чего-то, а мне так хотелось, чтобы он вышел как можно скорее. Может, он даже почувствовал это.

– Я пойду... – сказал еще раз и встал.

Тапочками шаркнул. Они у него такие, шуршащие... Наверное, вышел. Но дверь, кажется, оставил приоткрытой. У меня на двери замок такой, что громко щелкает. Я еще немного полежала, потом голову подняла и убедилась, что дверь приоткрыта. После этого встала и в кресло пересела. Даже не пересела, кажется, а упала в кресло... Света в комнате не было, свет только через приоткрытую дверь из коридора шел, и я просто стала в стену смотреть. В рисунок на обоях... Абстрактный рисунок, размытый, и когда-то он мне нравился своей неопределенностью... И вдруг рисунок этот изменился, и я лицо мамы увидела. Даже испугалась... А мама на меня смотрела и улыбалась... Приветливо... И долго...

А потом она пропала. Обои стали пустыми и скучными. И мне так стало не хватать маминей улыбки, так стало одиноко в этой комнате, что просто сил не было уже одной оставаться...

* * *

Аркадий Ильич на кухне сидел. И пил коньяк. Бутылка была уже почти пустая, и фужер перед ним пустой. И мой фужер рядом стоял. Аркадий Ильич налил в него чуть-чуть на доньшко. Но я пить не стала. Опять слезы разморозятся, потекут рекой... Просто села рядом, руки между колен зажав, и почему-то качалась – вперед-назад, вперед-назад... И так до бесконечности... Мне так легче было... Я словно бы сама себя усыпляла и уходила куда-то далеко-далеко под облака, где было не так больно...

– Менты думают, что это твой отец... – сказал Аркадий Ильич.

– Нет... – сказала я отстраненно, но уверенно. И ни в какие подробности вдаваться не захотела. Просто одним словом все сказала, и пусть он произнесенное сам понимает...

– Я тоже, как менты, считаю... Он думал, что я в машине буду...

– Нет... – повторила я без всякого нажима. Зачем спорить и утверждать то, что я и без него прекрасно знаю. Это он папу не знает, а я знаю. И спорить на эту тему не хочу... И объяснять ничего не хочу... Знаю, и этого достаточно...

– Его сейчас, наверное, уже арестовали... – добавил Аркадий Ильич.

– Нет... – повторила я.

– Я им сказал, где было свидание назначено. Они в кафе поехали, туда, в «Кавказский дворик»...

Он, кажется, был пьян. Он сообщил мне, что послал ментов к папе, чтобы папу арестовали, как каялся. Но я твердо знала, что в тот же день, когда я маму *потеряла*, я не могу еще и папу *потерять*. Это было бы высшей несправедливостью...

– Нет...

У меня спина устала от раскачиваний. Заболела и заломила. А потом голова закружилась. И я опять к себе в комнату ушла. В кресло упала. И там не шевелилась. И не спала... И ничего в голове моей не было – пустота и безысходность, и больше ничего... И опять счет времени потеряла...

* * *

Звонок в дверь не заставил меня встать. Я понимала, что уже ночь, кажется, на дворе, и никто прийти к нам не должен. Но кто-то пришел. А мне все равно было... Аркадий Ильич тапочками зашлепал. Кажется, он уже переоделся, может быть, лечь спать готовился, если мог он вообще уснуть... Это я какой-то отстраненной частью сознания поняла...

Замок открывался долго. Два замка, потому что Аркадий Ильич на два замка дверь на ночь закрывает... И только после этого, наверно, проснувшись, он сообразил, что не спросил, кто за дверью, хотя сам и меня и маму всегда заставлял спрашивать. Дверь еще не скрипела – она у нас скрипучая, когда Аркадий Ильич спросил все же:

– Кто там?

Моя отстраненная часть сознания вопрос слышала, а ответ – нет.

– Она спит уже...

Значит, это кто-то по мою душу... Я встала.

– Я не сплю...

Дверь заскрипела...

– Вы? – удивленно сказал Аркадий Ильич и надолго замолчал. – Что ж, входите, если пришли... Входите...

– Оля где?

Я услышала голос папы и сразу вспомнила, как мама сказала, что у меня еще папа остался. И его, значит, не арестовали, как Аркадий Ильич говорил. И он пришел ко мне, потому что за меня боялся... Он пришел... Последний мой родной человек...

На его голос я вышла сразу... И уткнулась лицом ему в плечо... Опять тепло стало, и опять слезы разморозились...

– Я пришел сказать тебе, что это не я... – твердо сказал папа.

– Я знаю... – прошептала я. – И мама знает...

Я говорила о маме, как о живой... Я не научилась еще говорить о ней иначе...

Аркадий Ильич закрыл за папиной спиной дверь на оба замка, словно папа к нам переночевать попросился. Но он никогда, когда раньше приезжал, у нас не останавливался. Приходил, в моей комнате сидел, на кухне сидел, но никогда не оставался...

– Да проходите же... Чего в коридоре стоять...

Он был, конечно, растерян. Я никогда не видела Аркадия Ильича таким растерянным. Но я даже благодарна ему была за то, что он так принял папу. Ведь он же говорил, что считает папу убийцей, говорил, что папа и его вместе с мамой взорвать хотел. И пригласил...

Мы в комнату прошли. Папа меня за плечи обнимал, и так до дивана довел и усадил. А сам стоять остался.

– Извините, я считал, что это сделали вы... – сказал Аркадий Ильич. Он вообще-то честный и никогда не хочет, чтобы оставалось что-то недосказанное. Ясность любит. И сейчас хочет ясности. – Я так и сказал следователю. И сообщил, где вы встретиться должны были...

Папа кивнул.

– Вы меня не знаете, вам это простительно... – ответил сухо. У него у самого голос стал каким-то треснувшим.

– Вас должны были там арестовать... – сказал Аркадий Ильич.

– Они арестовали, я сначала не понял, за что. Но сбежал после допроса, когда сообщили... – буднично так сказал папа. Словно для него это было равносильно выходу из трамвая. Сбежал – из трамвая вышел... Никакой разницы... А я за папу испугалась...

– Так вас что, ищут? – И Аркадий Ильич очень обеспокоился.

– Ищут... – равнодушно подтвердил папа.

– И вы... Сюда...

– Сюда...

Аркадий Ильич долго думал.

– Я и сейчас еще считаю, что это сделали вы, – сказал упрямо и на меня посмотрел.

– Надеюсь, вы сейчас не будете ментам звонить... – зло усмехнулся папа, и Аркадия Ильича от этой усмешки передернуло. Кажется, он испугался, хотя вида постарался не подавать. – Утром я уйду, а до этого побуду с дочерью... И... И с вами тоже поговорим... Просто так людей не взрывают... Должна быть причина... И мы попробуем ее найти... А потом я найду убийц...

Аркадий Ильич вздохнул.

– Коньяк будете?

– Нет, – отказался папа. – Мне нужна ясная голова, а не способ бессильного утешения...

– Как хотите, а я приму... – Аркадий Ильич ушел на кухню...

* * *

Разговаривали мы долго. И о маминой работе, и о друзьях. Папа ничего не записывал, но каждое имя, каждую фамилию, каждый адрес повторял, чтобы запомнить. Больше, конечно, Аркадий Ильич говорил. Я даже удивилась, что он о маме знает больше, чем я. И только уже среди ночи меня вдруг осенило...

– Аркадий Ильич, вы помните... Два дня назад мама из командировки возвращалась... Видела, как машину грабили... Там еще соседа нашего видела... Вашего знакомого... Владимира Саввовича...

– Ну-ка... – заинтересовался папа.

– Брызгалова?.. Ну, какой он мне знакомый... У меня таких знакомых нет... Он ко мне по-соседски заходит иногда денег занять. Но отдает всегда... Я его видел, когда машина взорвалась...

– Где он живет? – спросил папа.

– В соседнем подъезде... Как раз, когда милиция во дворе была, он уезжал со своим другом, с подполковником милиции, кстати... Они на рыбалку или на охоту куда-то часто ездят... Вместе...

– И как скоро возвращаются?

Я ощутила, что папа напрягся. Не телом, а внутренне, словно что-то почувствовал.

– Обычно через несколько дней...

– А в какой квартире он живет?

– Номер я не знаю. Балкон с нашим соседствует. Через стену мы, стало быть, существуем... Какой там номер, Оленька?

Я плечами пожала.

– А с кем он живет?

– С женой... Сын у них в армии служит...

– Номер его машины...

– Я не знаю... Не обращал внимания...

– Хорошо... – папа сосредоточился. – Расскажите-ка мне, что там на дороге произошло...

Где Людмила его видела...

* * *

– Вы следователю про это не рассказывали?

– Нет... Как-то выпало из памяти... – Аркадий Ильич смутился. А что смущаться, я тоже ничего после гибели мамы не помнила...

- Хорошенькое дельце... – папа такую забывчивость не одобрил.
- Можете сами ему рассказать. Он оставил мне номер мобильного...
- Давайте...

Аркадий Ильич ушел за записной книжкой, открыл нужную страницу и переписал номер на клочок бумаги. Папа на бумажку глянул и брать ее не стал. Так запомнил. У него всегда память была, как все говорили, гениальная. У меня тоже память хорошая, что-то от папиной вместе с генами досталось...

Уходить папа собрался прямо среди ночи, даже утра не дождавшись.

– У меня документы менты забрали. И телефон... Оленька, не выделишь мне свой мобильник?

- Конечно... – Я побежала в комнату и принесла трубку.
- Я позвоню... – сказал он, – и ты мне позвони, когда ваш сосед вернется...
- Позвоню... – пообещала я. – Как только увижу его, позвоню...

И папа, поцеловав меня, торопливо ушел...

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ РУСИНОВ,

подполковник в отставке

– Эй, экземпляр... Ты еще жив, поганый?

Это я с лестницы гаркнул. Подполковник наверняка продолжил свое ползание в сторону свободы и к лестнице еще на метр, может быть, уже приблизился. Услышать должен даже при низком давлении, вызванном потерей крови, поскольку голос у меня по-командирски поставлен и, при необходимости, по ушам ударить может не хуже кулака. А низкое давление плохо на зрение действует, на уши, насколько я помню, меньше влияет...

Мент не ответил.

– Я пошел, а за тобой скоро приедут... Похмелиться не дадут, но руки свяжут... – трудно не услышать, когда говорят так громко и членораздельно, как перед длинным окопом команду дают в ожидании боя.

Теперь он захрипел, будто перепуганный жеребец... Должно быть, матерился так – без слов. Это случается порой от бессильной ярости. Слова в горле острой костью застревают и произношение искажают – в итоге вот, хрип... Но я интонацию этого хрипа, кажется, уловил правильно. Пусть себе хрипит... На здоровье, если это ему здоровье принесет...

Но разговоры разговорами, а из этого загородного недостроенного особнячка пора было убираться, пока сюда менты не пожаловали. Мне почему-то вдруг показалось, что мы с ними можем не найти общий язык и добросердечное взаимопонимание... Я, конечно, сторонник уважительного доверия ко всяким людям. Но только не к тем, что ментовские погоны носят. И прокурорские, думаю, не слишком далеко от ментовских ушли, вне зависимости от величины и количества звездочек. И если Максим Юрьевич Шторм пожелает снова нацепить мне на руки стальные «браслеты», я этому не удивлюсь. И дело здесь вовсе не в том, что он желает именно меня посадить, потому что стопроцентно считает меня виновным, хотя мой побег его, думаю, и задел за живое. Просто он видит следствие собственной прерогативой. И, как всякий конченный следак, не любит, когда ему мешают. Как любому профессиональному пианисту, скажем, мешает подыгрывающий ему балалаечник из самодеятельности... То есть следователь по особо важным делам считает себя высоким профессионалом и не признает права всяких там дилетантов, даже если они имеют подготовку гораздо более качественную, нежели у него, хотя и слегка специфическую, на проведение собственного расследования. В принципе, я не собираюсь обвинять Максима Юрьевича Шторма в неуважении к собственной персоне и к собственным способностям. Уважение, говорят, следует заслужить. Вот я и надеюсь такую миссию выполнить... Буду заслуживать, и уже начал это делать...

Револьвер «манурин», как и обещал уважаемому старшему следователю по особо важным делам, я положил за дверь в прихожей. Я только за ствол брался, спусковой крючок и курок не трогал. Пусть там останутся неприкрытыми отпечатки пальчиков ментовского подполковника. А мои отпечатки найти нетрудно. И даже нет смысла их с револьвера убирать, поскольку я уже доложил Максиму Юрьевичу, что револьвер в руки брал.

Да, пора, пора... И на доклад надо успеть...

* * *

Машину я оставил в недалеком лесу.

Как хорошо, что нынешняя осень такая затяжная и бесснежная. По календарю уже давно пора бы снегу прочно все проселочные дороги оседлать. А календарь ныне авторитетом, как говорят синоптики, не пользуется. И потому я в лес спокойно проехал. Страшно, конечно, чужую машину оставлять. Это все-таки не моя раздрызганная «десятка», а новенький «Ниссан Мурано», который стоит чуть не шестьдесят тысяч баксов, а может, со всеми наворотами и с зимней шипованной резиной и все шестьдесят... Но надежда оставалась, что ночью по осеннему холодному лесочку мало найдется желающих прогуляться. Тем более что поселок почти не заселен. Строительство здесь началось не так давно, и большинство домов стоят даже без окон, а некоторые вообще только стены имеют и собственной крышей не обзавелись.

Надежде моей суждено было оправдаться. «Мурано» стоял, как я его поставил, нетронутый и целомудренный. Я спрятал пистолет в тайник под защитой картера. Тайник мне сам хозяин машины и показал – старинный мой друг Виктор Николаевич Огнев, полковник в отставке. Он даже свой пистолет предложил, когда я ему ситуацию объяснил. Но мне хватило и той пары стволов, что я у конвойных отобрал.

С этими конвойными вообще комедия получилась, достойная пера Фонвизина. Не знаю уж, чему их там учат, где их там учат и учат ли их вообще, но элементарных принципов охраны они не знают. Да и менты не лучше, хотя и звучно СОБРОм называются...

Когда меня сразу после задержания эти самые «собровцы» обыскивали, никто не обратил внимания на застежку моей куртки. Застежка как застежка. А у меня буквально перед отправлением в кафе сломался язычок на замке-«молнии». Чтобы хоть как-то раздеваться и одеваться – не через голову, я вместо язычка приспособил обыкновенную канцелярскую скрепку, которую Виктор Николаевич снял с каких-то своих бумаг. Скрепка цветная, в пластиковой обложке, и по цвету для моей куртки подошла. Тогда я совсем и не предполагал, что очень она мне сгодится... Но не зря же говорят, что случайностей в мире не бывает, а любая случайность есть только маленький кусочек в цепочке закономерностей. И неслучайно замок сломался...

Перед тем как на меня в кабинете старшего следователя Шторма нацепили «браслеты», я скрепку снял и зажал между пальцами. Остальное оказалось делом техники. Имея отмычку в руках и некоторый навык, школьник с такой задачей справится. Я не школьник, а пенсионер, но тоже решил ее быстро. Но руки держал сомкнутыми до того момента, когда мы к машине подойдем. А там уже руки, мягко говоря, распустил... Вместе с ногами, кстати...

Первого конвоира, заднего, определив его местоположение по тени, даже не оборачиваясь предварительно, легко положил ударом каблука с разворотом по шее. Наверное, даже не убил, потому что шея хоть и затрещала, но голова сначала запрокинулась, а потом на место вернулась, следовательно, позвонки не сломаны. При переломе позвонка голова на место возвращается уже в кабинете патологоанатома. Но второй дураком безграмотным оказался, и водитель ему под стать. Они же, идиоты, вооружены!.. Кой черт толкал их кулаками махать, если они этого делать не умеют. Я не задрипанный воришка, которого в охотку для пущего удовольствия побить можно. Но даже я, имея в руках пистолет, и то не полезу закручивать человеку

руки, а просто разорву дистанцию до безопасной для себя, чтобы иметь возможность стрелять и не позволить себя ударить. Это же элементарная теория...

А они буром на меня поперли... Водителю одного встречного, со скачка, удара локтем хватило, и челюсть захрустела, словно сама себя жевать начала, конвоиру после болевой серии для отключки потребовалась короткая добавка... Я его этой добавкой обеспечил... Скандал заказывали? Получите...

Ключи оказались в замке зажигания машины, и я спокойно протаранил легкие металлические ворота капотом «автозака»... Хорошо, что дежурный у ворот оказался ловким и сообразительным парнем и так стремительно в сторону шархнул, что успел увернуться... Признаться, я не ставил себе задачу сбросить его...

А теперь – ищите меня, любезные...

Конечно, еще в кафе, знал бы, что от меня ментам надо, и вовремя сообразив, что задержание – не недоразумение, я мог бы их всех положить. Пятеро «собровцев» тоже подставлялись откровенно, хотя и прикрыли отдельные части тела бронезилетами. Отдельные же оставили для желающих продемонстрировать умение точно и резко бить... Там тоже встали вплотную – бей, не хочу... Но я почему-то глупо решил, что сейчас все выяснится и меня отпустят. И только в кабинете старшего следователя Максима Юрьевича Шторма услышал, какое обвинение мне предъявляют. Я даже объяснять что-то не нашел нужным. Хотят посадить, пусть докажут... Но сразу, тогда же, сам решил, что настоящего убийцу они могут и не найти, потому что редко настоящих убийц находят. И делать это придется мне самому. Но вести розыск из камеры следственного изолятора не совсем сподручно. И потому я так обрадовался скрепке в своей застёжке... Впрочем, со следаком я радостью поделиться не поспешил... И с «вертухаями» тоже...

* * *

Дорога в сторону города здесь одна на протяжении пятнадцати километров – через жиденькие низкорослые перелески и луга тянется, чуть повиливая, и практически открыта для взоров со стороны. И стороны взаимно открыты для взоров с дороги. И мне хорошо бы ее миновать до того, как навстречу проследуют менты на своих «уазиках». И здесь уже двести тридцать четыре лошади «Мурано», которыми Виктор Николаевич накануне хвастался, очень сгодились. И динамика разгона у машины приличная. Я пятнадцать километров пролетел моментально и ни одной машины не встретил. И только уже при выезде на шоссе увидел, как сигнал поворота включила грязная светло-серая «Волга», намереваясь проехать в ту сторону, откуда только что вывернул я. Совсем не милицейская. С гражданским номером, судя по цвету. И водитель в свете моих фар предстал в одиночестве. Если это и какой-то ментовский начальник, то он впопыхах забыл захватить с собой группу захвата.

Но менты официальные, как обычно, не слишком торопились... Я уже к городу подъезжал, то есть еще десять километров одолел, когда увидел целую кавалькаду машин с включенными мигалками. Навстречу мне посередине дороги ехали, хотя их полоса движения была по ночному времени свободна... Непонятно, почему посередине? Наверное, привычка...

Подспеют они, надо полагать, вовремя... Похмельный ментовский подполковник еще не протрезвеет и по всей форме отдаст им лежачий рапорт... Только вот где мне теперь искать собутыльника мента – Владимира Саввовича Брызгалова?..

Хорошо еще, что жена его Татьяна оказалась женщиной хотя и чрезвычайно объемной, но сообразительной. И когда я, покинув дочь и Аркадия Ильича, заглянув к ней на огонек, заявил, что ее благоверный уехал куда-то «в командировку» вместе с моей женой, она не раздумывая сказала, что он скорее всего устроил бардак на строящейся даче в поселке Полетаево-3...

– То-то зачистил жеребец туда... Какая уж сейчас стройка, если всех строителей рассчитали... А он она что... Я с тобой еду! Я ему устрою и стройку, и головомойку...

Мне стоило большого труда уговорить ее хотя бы временно остаться, поскольку я собственным транспортом не располагаю. Если вот только друга уговорю отвезти, он отвезет... За бензин и за ночную работу другу платить придется пополам...

Искать моего друга ей не слишком захотелось, и потому Татьяна согласилась нарисовать мне план поселка и обозначить собственное строение. За что я ей и благодарен. Хотя благодарить-то, как оказалось, было почти не за что... Брызгалова на месте не оказалось, а с ментом договориться было трудно. Он слишком торопился стрелять...

Вместе с тем я узнал и некоторые мелочи, которые меня приятно насторожили. Полный автоматный рожок и поддельные ментовские автомобильные номера мелкие воришки под рукой не держат. Значит, мне противостоят люди, кажется, вполне совершеннолетние и умеющие обращаться с оружием. Не скажу, что не хуже меня... Но – умеющие... С такими «общаться» на уровне своей подготовки – не жалко, как было, например, жалко «общаться» с конвоирами, подготовки совсем не имеющими... Эти маленькие факты развязали мне руки. А с развязанными руками я могу быть очень опасен...

И постараюсь таким быть...

* * *

Часы показывали начало восьмого. Значит, я уже не разбужу своего боевого товарища, если он лег спать, презрев волнения за меня и, наверное, за свою машину, которую доверил мне не по доверенности, а вместе со своими документами, несмотря на несхожесть наших физиономий по всем параметрам, исключая единственную – у нас тип лица сухощавый... Но ночью рассмотреть маленькую фотографию в правах сложно. Мы рискнули... Я вынужденно – он осознанно, за что честь ему и хвала, и уважение.

Номер я уже набрал не с ментовской трубки, поскольку ее номер узнал старший следователь по особо важным делам уважаемый господин Штурм и, возможно, мог по своим каналам подключиться для контроля, а с трубки дочери.

– Виктор Николаевич, приветствую тебя... Утро, как говорится, доброе...

– Привет, я очень рад, что оно доброе... – Его колоритный среднерусский говорок приятно отличался от местной речи и всегда нравился мне, создавая настроение.

– Выходи, я подъезжаю...

– На углу, около магазина остановись... Я подойду...

Резонно. Соседям ни к чему знать, что отставной полковник Огнев кому-то доверял нынешней ночью свою не самую плохую машину. И я, уже почти заехав во двор, отжал тормоз и переключил селектор коробки-автомата в положение «R» и задним ходом выбрался к углу соседнего дома. На тесной стояночке возле закрытого еще по причине раннего времени магазина остановился.

Виктор Николаевич вышел в куртке, наброшенной на спортивный костюм, но сел сразу на правое переднее сиденье, показывая этим намерение ехать куда-то, и, по всей видимости, недалеко, поскольку руки в рукава куртки вдевать не хотел.

– Как тебе машина? – спросил, улыбаясь, потому что не желал спрашивать, как прошла у меня ночь. Понимал – что надо, я сам расскажу.

– Только одно могу сказать – хочу... Могу это же сказать громче – хочу такую же... И куплю обязательно, как только закончится вся эта история... Надеюсь, наследства меня за это время никто не лишит...

Он, как всякий автомобилист, в свое средство передвижения влюбленный, остался доволен, понимая, что получил оценку не простого автолюбителя, а спеца, владеющего навыками

экстремального вождения. Он сам такими навыками владел в полной мере. И любой из нас, естественно, не стал бы обязательно победителем в кольцевых гонках, где участвуют гонщики профессиональные, но потягаться с профессиональными гонщиками, например, на городских улицах мы могли бы, и необязательно оказались бы в проигрыше.

– Поехали к куратору³... Он уже доложил в Службу. Ждет тебя с указаниями...

Я знал, что это обязательно, что это в помощь мне, но общаться с кураторами не любил.

– Мне свой куратор надоел... Но... Ладно, едем, коли положение обязывает...

– Он отзывчивый мужик... Только палец в рот ему класть не надо... – предупредил Виктор Николаевич. – Прямо до угла, дальше дворами доберемся... Документы можешь мне вернуть... Назад я сам поеду...

* * *

Куратор оказался типичным куратором, как я и ожидал. В своей жизни я троих встречал, и все они похожи друг на друга, как это ни странно звучит, своей незаметностью. Видимо, это обязательное профессиональное качество разведчика в полной мере сохраняется даже после выхода в отставку.

Представился он Кимом Валерьевичем. Не знаю, насколько это имя соответствует действительности, но я вынужден был мириться с тем, что мне говорят.

– Я беседовал сегодня ночью и с управлением кадров, и с вашим непосредственным бывшим руководством... – сообщил он мне с таким вздохом, словно я обязан был после этого в пояс поклониться за выполнение Кимом Валерьевичем своих обязанностей. – Меня обязали оказать вам всяческое содействие в сложной ситуации. Но я не совсем еще в курсе, насколько она усложнилась после вчерашнего вашего бегства из-под стражи... А она, несомненно, усложнилась, как мне доложили... Итак, я вас слушаю, товарищ подполковник...

Говорил куратор, впрочем, достаточно добро, даже с симпатичным теплом в словах. Наверное, он может этим пронять неопытного человека и заставить рассказать больше, чем рассказывать хочется. Я же, имея опыт многих рапортов о проводимых операциях, рассказал только то, что счел нужным. Передал факты так, как мне хотелось их передать, но вовсе не для того, чтобы себя показать в выгодном свете, а только для того, чтобы вытребовать по возможности наибольшую помощь со стороны Службы.

– Значит, вы уже начали активную фазу расследования... – выслушав мой доклад, куратор задумался. Впрочем, ненадолго, и мне даже не показалось, что он уснул после бессонной ночи, когда связывался с Москвой. – Одному это дело осилить сложно, как вы понимаете и как мы понимаем... Полковнику Огневу дан приказ оказывать вам активное содействие, что он, впрочем, начал делать и без приказа... Но к полковнику Огневу прокуратура уже, как я понимаю, присматривается...

– Да, менты и ночью приезжали... Интересовались, где может находиться Иван Сергеевич... – подсказал Виктор Николаевич. – Я дал им команду: «Кругом! И – бегом...» И потребовал ко мне больше не соваться, поскольку я не скажу, даже если узнаю... Иногда такая грубость оказывается более действенной, чем увещевания...

³ Куратор – как правило, отставной старший офицер системы ГРУ, который курирует на местах отставных офицеров ГРУ, когда-то занятых в секретных операциях. В обязанности куратора входит не только необходимая, бывает, помощь в бытовых вопросах, но и контроль за такими, например, частыми явлениями, как «непроизвольная расконсервация». «Непроизвольная расконсервация» – это психический срыв, вызванный воспоминаниями о былой службе, в момент которого офицеру очень хочется рассказать кому-то о действительных событиях. Присуща всем без исключения. Куратор в этот момент должен являться той самой отдушиной, которая готова выслушать. Поскольку офицер разведки, выйдя в отставку, все равно разведчиком остается, в обязанности куратора входит и обеспечение режима безопасности отставника.

Ким Валерьевич несколько раз по-стариковски кивнул, словно подтвердил свои опасения.

– Я дам вам еще пару помощников... Но вы будете привлекать их только на выполнение конкретных заданий. Причем задания будете давать по телефону, практически исключив личные встречи. Парни хорошие. Оба служили в свое время срочную службу в спецназе ГРУ, оба прошли Афган, но завербованы были уже после окончания службы. Как внутренние агенты, они могут нам понадобиться и впоследствии. Следовательно... Следовательно, там, где для них будет возможность «засветиться» на связи с вами, вы их привлекать права не имеете... Понимаете, о чем речь?

– Не очень, но, Ким Валерьевич, ваши условия принимаю... – согласился я. – Помощники мне нужны...

Куратор мельком взглянул на часы.

– Они вот-вот должны появиться. Сначала один, потом и второй, у которого утром оперативка... Может быть, вместе успеют... Они друг друга хорошо знают...

Звонок в дверь прозвучал ответом на его слова, и Ким Валерьевич пошел открывать. Вернулся он не один. Бросив взгляд за спину куратора, я встал...

В комнату сначала вошел разбитной красномордый парень, внешне из блатных и «крутых», а за ним капитан СОБРа, что вчера командовал моим задержанием. Я ситуацию не понял, точно так же, как и капитан. Он остановился и замер, и медленно положил руку на кобуру. Однако пистолет в руке полковника Огнева оказался раньше.

Но куратор свою руку положил на руку капитана, успокаивая...

– В моем доме не стреляют ни при каких обстоятельствах... – Это относилось не только к капитану, но и к полковнику тоже... – Учтите...

ГЛАВА 3

ЯРОСЛАВ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ТРОПИЛИН,

капитан СОБРа

Устал... Чертовски устал... Веки тяжелые, голова, как в тумане, и пол под ногами неустойчивым кажется, как палуба маленького катерочка. А тут еще...

Когда Ким Валерьевич послал мне срочный вызов, он не предупредил, чем этот вызов обуславливается, но мои возражения относительно сильной загруженности слушать не стал.

– Нужно прийти, и срочно...

– У меня утром оперативка...

– Тогда сразу после оперативки... Или перед ней... Это ненадолго...

– Хорошо. Я постараюсь... – Я пообещал, но вздох сдержать не сумел.

Я уже больше суток на ногах, а еще предстояло вскоре ответ держать за все произошедшее вчера. Правда, ответ предстояло держать не мне лично, тем не менее наш начальник городского управления если начинает давать втыки, то дает по инерции всем... А ему самому, судя по ситуации, тоже дали... Наверное, всю ночь спать не давали телефонными звонками...

Меня на таких оперативках обычно спасает то, что начальник городского управления не может торопливо выговорить мои имя и отчество, а говорит он всегда торопливо. И потому, чтобы не спотыкаться в словах и не выглядеть смешным, он предпочитает ко мне не обращаться. А если уж обращается, то или по званию, или по фамилии. А это для него непривычно, он ко всем другим только по имени-отчеству обращается...

Вчера вечером, когда нас послали на «задержание» в кафе, нас даже не предупредили, что за человека мы должны задержать. Это потом уже, задним числом, я узнал, что мы «повязали» отставного подполковника спецназа ГРУ, обвиняемого в проведении взрыва в машине, о котором весь город только и говорит. Сережа Югов, капитан из «убойного» отдела «уголовки» сказал, что мы спецназовца «брали»... Я ахнул, выматерился и высказал ему пару слов, не всем и не совсем приятных... Мы же, по сути-то дела, совсем неподготовленными поехали. А если бы он вооруженным оказался, а если бы он не пожелал просто так руки под наручники подставить – всех бы нас между столиков и оставил бы «отдыхать»...

Сережа на мои претензии только ухмыльнулся – всегда, мол, надо быть готовым к неприятностям... У меня на это аргумент в руках оказался наглядный. «Вертухаи» тоже готовы не были... Их тоже не предупредили... И потому подполковник не испытал проблем, чтобы самому «уйти на прогулку», вернее, уехать на машине «вертухаев». А теперь попробуй поймать его... Я-то лучше других знаю, что такое подполковник спецназа ГРУ. Меня самого такие подполковники до «зеленого пота» в свое время гоняли... А их «загнать» слишком сложно для наших скромных ментовских сил... Против бывших солдат спецназа ГРУ, таких как я, мы еще потянем. А против офицеров – извините, нас, как их, не натаскивают лучшие в стране спецы... Там не только иной уровень реакции и оценки ситуации, там совершенно иной уровень боевой психологии...

А потом, уже утром, нас по тревоге подняли. Хотя общую тревогу и без того никто не отменял, и мы этого подполковника по всем значным и незначным местам города искали. Но позвонил старший следователь по особо важным делам Шторм из областной прокуратуры – он делом подполковника Русинова занимался, и дал «наколку». Обещал и сам вскоре к нам присоединиться. Мы выехали в Полетаево-3... И полюбовались еще одним трупом...

Подполковник спецназа, кажется, совсем озверел. Если «вертухаев» просто бил, то подполковника милиции убил... А когда вернулись из поселка, узнали, что на дороге подобрали еще один труп. Похоже, из того же оружия и в той же манере человека «положили»... Пуля в лоб, чтобы стремления к болтливости не возникло...

Ехать домой отдыхать я собрался после оперативки у начальника городского управления. Перед оперативкой у меня выдалось свободное время, и я отправился по вызову к Киму Валерьевичу. На въезде во двор увидел, что следом за мной въезжает черный «Мицубиси Паджеро» Кирпича. Мы с ним договаривались, что на людях мы «незнакомы», и потому я, поставив машину, прошел в подъезд, не оборачиваясь, и только на лестничной площадке остановился, чтобы подождать. Кирпич меня догнал...

* * *

– В моем доме не стреляют ни при каких обстоятельствах... Успокойся, Ярослав... – Ким Валерьевич мне руку прижал, когда я машинально за кобуру взялся. – И за оружие хвататься не надо, потому что полковник Огнев все равно быстрее стреляет... Знакомьтесь... Подполковник в отставке Русинов Иван Сергеевич. И подполковнику нужна серьезная помощь... По этому вопросу я вас двоих и пригласил... Помощь с двух противоположных сторон – и со стороны ментов, и со стороны блатного мира... Но вы сами сначала подполковнику представьтесь, потом и разговаривать будете...

Кирпич вперед шагнул первым. Руку подполковнику протянул:

– Георгий Шамотов... Иногда меня Кирпичом зовут... Но мне собственное имя нравится больше...

Он себя свободнее, чем я, конечно, чувствовал. Во-первых, не знал, что на подполковнике три трупа «висит», во-вторых, если бы и знал, Кирпича это смутило бы мало, поскольку мент – я, а он, хотя и не уголовник, поскольку не имеет ни одной «ходки», но все же в уголовном мире человек с авторитетом.

Но представиться и мне пришлось.

– Капитан Тропилин Ярослав Вячеславович... Мы с товарищем подполковником уже встречались... И всю сегодняшнюю ночь я потратил на то, чтобы встретиться еще раз...

– А вот утром встретились... – сказал подполковник. – Причем неожиданно для обеих сторон... Но ваше вчерашнее задержание я не одобряю...

Я сам его не одобрил, о чем уже высказал претензии Сереже Югову. Но замечание подполковника меня задело за живое. Честно скажу, что свои недостатки я знаю, но, как большинство нормальных людей, не люблю, когда о них другие вслух говорят.

– В следующий раз будем работать лучше, товарищ подполковник... А следующий раз не за горами... На вас уже три трупа «висит»...

Подполковник с Кимом Валерьевичем переглянулись. Я даже удивление в его глазах заметил. Интересно, чему он удивляется?

– Целых три? – переспросил Ким Валерьевич. – Не много ли за одну ночь...

– Мне кажется, что чересчур много... – дал я свою оценку.

– Давайте-ка присядем и обсудим ситуацию... – Ким Валерьевич, как хозяин квартиры, распорядился. – Мне не нравится, когда трупы с неба падают, как новогодние подарки... И до Нового года еще далеко...

Мне присесть очень не хотелось. Мне очень хотелось пистолет все же успеть вытащить, но я понимал, что ситуацией не владею ни в силовом, ни в информационном плане. И я с трудом допустил, что все эти убийства как-то связаны с интересами ГРУ. Тогда на раскрытие дела вообще надеяться не стоит даже при всей грубости работы.

Я все же устроился в кресле. И даже ногу на ногу сердито закинул. Кирпич, услышав о трех трупах, просто расцвел красной рожой, потому что любит всякую крутизну. И тоже уселся. У противоположной стены.

– Давайте обсудим... Только прошу сделать это побыстрее, потому что я рискую на оперативку опоздать, а наш шеф этого не любит... Он опоздание простит только в том случае, если я с собой товарища подполковника приведу...

– Иван Сергеевич, коротко введите товарищей в курс дела... – попросил Ким Валерьевич.

– Если коротко, то дело обстоит так. Я приехал в ваш город, чтобы обсудить с бывшей женой вопросы раздела наследства, нам завещанного. Договорился с ней о встрече и ждал ее в кафе, где меня и арестовали...

– Задержали... – поправил я подполковника, который, как армеец, плохо владел процессуальной терминологией.

– Задержали... – согласился он. – В прокуратуре мне предъявили обвинение во взрыве машины с бывшей женой, которое я, естественно, не признал...

– Слышал я об этом взрыве... – заметил Кирпич.

– К взрыву я отношения никакого не имею, заявляю это твердо, – продолжил Иван Сергеевич. – Тем не менее я не возлагаю больших надежд на следственные органы, для которых, как я считаю, главное – найти подозреваемого и обвинить его, а вовсе не найти настоящего преступника...

– Вы преувеличиваете... – не удержался я.

– Если будущее покажет, что я не прав, я принесу вам свои извинения, Ярослав Вячеславович. – Он мое сложное имя-отчество произнес членораздельно и внятно – хорошая дикция у человека. – Но я продолжу... Именно по причине своего недоверия к следственным органам и большего доверия к себе я и решил провести самостоятельное расследование, для чего мне пришлось слегка «помять» трех караульных...

– Отправить троих «вертухаев» в госпиталь – это теперь называется «слегка помять»? – опять не удержался я. – Как же выглядело бы в вашем исполнении «побить»...

– Это выглядело бы инвалидностью...

В скромности подполковнику не откажешь...

– Классно! – прокомментировал Кирпич.

– И что же дальше?

– Дальше все проще... Я выяснил, что за два дня до моего приезда Людмила Анатольевна, это моя бывшая жена, возвращалась поздно вечером в город из командировки по области. И видела на дороге, как из одной фуры перегружали ящики в другую фуру. На дороге при этом лежали связанными два человека...

– Было такое ограбление, – подтвердил я, чтобы быть объективным. – Откуда возвращалась Людмила Анатольевна?

– Об этом вам лучше спросить у нее на службе... Я не в курсе...

– Хорошо, продолжайте...

– При этом она узнала одного из людей, стоящих рядом с фурой, – это был человек из соседнего подъезда, но живущий через стенку – балконы у них рядом. Некто Брызгалов Владимир Саввович... Узнал я, что сразу после взрыва Владимир Саввович вместе со своим товарищем, подполковником милиции, выехал то ли на охоту, то ли на рыбалку, а в действительности в свой недостроенный особнячок в поселке Полетаево-3. И я, выяснив у жены Брызгалова, где их дом находится, поехал туда...

– По крайней мере жена Брызгалова жива осталась? – спросил я.

– Когда я уезжал, была жива... – Русинов, кажется, не замечал моих неприязни и недоверия. – В недостроенном особнячке я производил обыск, надеясь найти что-то интересное для собственного следствия, когда из комнаты вывалился еле живой с похмелья подполковник милиции и начал стрелять в меня...

– Сколько выстрелов он произвел? – попросил я уточнить.

– Три. Я ответил только одним и прострелил ему плечо... Это несмертельно... Хотя мог бы просто расстрелять его...

Я возмущенно хмыкнул... Русинов этого словно и не заметил и продолжил рассказ:

– В последней из комнат второго этажа в ящике письменного стола я обнаружил несколько поддельных, хотя, может быть, и настоящих, не буду настаивать, синих милицеевских автомобильных номеров. В одной из комнат подвала на полке нашел рожок от автомата «АК-47», полный патронов. Да еще несколько ящиков водки на втором этаже...

– Как раз «долбанули» фуру с «паленой» водкой... – заметил Кирпич. – Я слышал об этом...

– С мобильника раненого подполковника милиции, – продолжил Иван Сергеевич, – я позвонил Максиму Юрьевичу Шторму, старшему следователю по особо важным делам областной прокуратуры. Он меня допрашивал накануне...

– Козел он... – заметил Кирпич. – Я так слышал...

– И пригласил его приехать в особняк с нарядом ментов... Револьвер «манурин», из которого подполковник стрелял в меня, я оставил за дверью в прихожей. Следака предупредил об этом... Вот и все в принципе...

– Все? – переспросил я настойчиво.

– Ну, еще могу добавить, что менты не поторопились. Их я встретил только на въезде в город... По крайней мере час прошел после моего звонка. Могли бы и оперативность проявить... Еще при выезде на шоссе я встретил темно-серую «Волгу», которая готовилась повернуть в сторону Полетаева-3...

Он развел руками, показывая, что больше не имеет сообщений. Я встал, чтобы выглядеть более серьезным докладчиком.

– А теперь я изложу свое видение ситуации. Вернее, не ситуации, а того, что я сам видел. И начну с того, что нам позвонил старший следователь Шторм и экстренно направил группу в Полетаево-3. Сразу не выехали потому, что все в разгоне были... Искали товарища подполковника по городу... И дом в поселке нашли не сразу... Позже нам по радиации сообщили более точные координаты... Но когда нашли, подполковник милиции Фархутдинов лежал на лестнице с пулей в голове... Там его пристрелили. А до этого он полз из коридора, где получил первую пулю в верхнюю часть груди, и оставлял за собой кровавый след. Никаких поддельных милицеевских номеров, никакого рожка от автомата мы не нашли. В закрытых комнатах подвала оказались строительные материалы и инструменты. Но и этого мало... Когда мы вернулись в город, я узнал, что рядом с этим местом, буквально в километре от поворота с шоссе в сторону Полетаева-3, рядом с дорогой сотрудниками ГИБДД найден труп мужчины. Мужчина убит выстрелом в голову. При убитом были документы на имя Владимира Саввовича Брызгалова – паспорт и водительское удостоверение, но машина обнаружена не была, хотя из дома он уехал на своей машине... Что вы на это скажете, товарищ подполковник?

Русинов выглядел сосредоточенным. И не отвечал.

Мне пришлось повторить вопрос:

– Товарищ подполковник, что скажете на это?

– Минутку... – Он даже глаза закрыл, о чем-то думая. Потом открыл и головой помотал: – Нет... Я пытался вспомнить номер той «Волги»... Нет, не сумел... Метод «реконструкции»⁴... Вот что, капитан... – голос его прозвучал твердо и жестко. – Вас пригласили не для того, чтобы

⁴ Метод «реконструкции» – когда человек видит что-то мельком и не обращает на это внимания, память событие все равно фиксирует, и, реконструируя его в состоянии самогипноза, возможным бывает вспомнить то, что никогда не запоминал. Обучение методу «реконструкции» ведется с помощью неглубокого гипноза, и овладеть этой ценной для каждого разведчика способностью может далеко не каждый человек. Помимо гипнабельности требуется обладать еще множеством личных черт индивидуальной психики, чтобы добиться результата. Владение методом «реконструкции» считается редким явлением. Тем не менее обучение методу проходят большинство офицеров разведок мира.

вы выдвигали против меня абсурдные обвинения, а для помощи. Поэтому рекомендую вам оставить свой тон и разговаривать нормально. Иначе у нас не получится сотрудничества, и я не вижу необходимости в продолжении нашего разговора...

Я снова сел в кресло. Здесь он прав. Даже если Иван Сергеевич трижды убил всех троих, моя обязанность в данной ситуации – вытащить его из трудного положения, а отнюдь не задерживать его. А если я попытаюсь выполнить свой ментовский долг, то буду скорее всего четвертой жертвой. Пусть и не самого подполковника, но буду непременно, поскольку я работаю на ГРУ, и это уже навсегда, и это уже козырь, который не может быть побит никакой другой картой... Козырный туз... Кроме того, будь Русинов в самом деле этим убийцей, он сказал бы это. Тогда бы я просто выполнял роль прикрытия, и все... А он хочет вести следствие... Значит, мне придется помогать и в этом...

– Извините, товарищ подполковник, – сказал я, полностью взяв себя в руки. – Это последствия трудной бессонной ночи и стресса, вызванного встречей с вами в то время, когда я думал о том, где и как вас можно искать...

– Вы офицер СОБРа, – сказал молчавший до этого полковник Огнев. Мы с ним встречались и раньше, но близко знакомы не были. – Не ваша обязанность вести розыск...

– Я командую группой захвата. Лучшей, кстати, группой в городском СОБРе... А в настоящее время исполняю обязанности командира городского СОБРа. И мне приходится постоянно контактировать со следствием. В этом случае невольно сам становишься отчасти следком... Еще раз извините...

Я постарался сгладить натянутую ситуацию.

– Когда я выезжал на шоссе, – как ни в чем не бывало, совершенно прежним тоном продолжил Русинов, – на дорогу к Полетаеву-3, как я уже сказал, сворачивала светло-серая «Волга». Необходимо проверить всех, кто строит в Полетаеве-3 дома, всех, кто уже построил. В такое время суток посторонней машине там делать было нечего... За короткий промежуток времени, прошедший после моего звонка старшему следователю прокуратуры и до появления милиции на стройке, кто-то побывал там еще и пристрелил раненого подполковника, одновременно убрав улики. В закрытых комнатах подвала, я думаю, ничего не было. Чтобы вывезти какой-то большой груз, требуется время. А я рассчитывал, что там хранятся какие-то товары с ограбленных автомобильных фур. Значит, этот след отпадает...

– Да кто ж товар хранить будет... – усмехнулся Кирпич. – Его сразу отправят на реализацию. На своих машинах и со своими накладными... Я слышал, так обычно бывает...

Кирпич дело знает... Если он что-то «слышал», этому можно верить...

– Вероятно, это так... – согласился Русинов. – Еще... Через два дома... заселенный дом... Там всю ночь какая-то гулянка была... Может, оттуда что-то видели или слышали...

– Кстати, когда приехал старший следователь Шторм, он жаловался, что чуть не столкнулся со встречной «Волгой», – сказал я.

– Вероятно предположить, – вставил свое слово Ким Валерьевич, – что это и был убийца и направлялся он не куда-нибудь, а на встречу с Брызгаловым... Чтобы и того убить...

– Что касается гулянки неподалеку, мы туда заглядывали... Перепившиеся сосунки... Сыночки и дочки, которых родители не ищут... Отрывались... Четверых отправили на экспертизу в наркологический диспансер... Там ничего не видели и ничего не слышали...

– Можно ли будет посмотреть материалы дела? – поинтересовался Русинов.

– Трудно, но я попробую... – пообещал я. – А сейчас мне пора... Оперативка...

– Запоминай номер спутниковой трубки товарища подполковника... – Ким Валерьевич продиктовал мне номер. – Общаться с ним только по этому номеру...

– Я запомнил. На телефонные номера у меня память хорошая...

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ РУСИНОВ,

подполковник в отставке

Капитан собрался уходить, пообещав позвонить мне уже после оперативки», если ему будут известны какие-то новые сведения из дела. А они, скорее всего, как он пообещал, ему будут известны, «поскольку» оперативка никак не сможет обойти такое шумное расследование стороной. Если же сведений не будет, он и звонить не будет...

– Постарайтесь все-таки добыть мне копию материалов дела, – напутствовал я его на дорогу. – В первую очередь, меня интересуют данные баллистической и трассологической экспертизы по пулям, которыми убиты подполковник Фархутдинов и Брызгалов... Что за пули, из какого оружия выпущены, числится ли что-то еще за этим оружием... Это, возможно, будет тем следом, по которому нам предстоит идти, поскольку возможность разработать Брызгалова мы уже потеряли...

– Я постараюсь. Но сегодня это едва ли удастся... У меня просто нет причины, чтобы попросить дело для прочтения. Это может показаться подозрительным, а у нас служба внутренней безопасности очень активно работает...

– Как сможете... – согласился я. – На неприятность лучше не нарываться...

Хотя капитан недавно и лез на меня, как на танк с шашкой, он мне, в общем-то, понравился. Наверное, с ним можно работать. Еще бы гибкости парню немного, тогда совсем бы стал ценным сотрудником...

Ким Валерьевич закрыл дверь. Теперь центром внимания стал Георгий Шамотов, которому имя Георгий нравится больше, чем кличка Кирпич. Это, однако, вовсе не значит, что ему не нравится собственная физиономия кирпичного цвета.

– Георгий, – спросил я, – вам задание собственное, как вы понимаете...

– Это даже я понимаю... – ответил он и пересел в кресло, в котором только что сидел капитан Тропилин. Там ему вольготнее располагаться. И ногу на ногу, как капитан, забросил. Только капитан делал это от злости, а Кирпич от беспечно-привычного расслабления, обычно призванного демонстрировать наглость.

Но глаза у него совсем не такие глупые, как манера поведения. Однако манера поведения часто диктуется окружением. И в один миг научиться вести себя по-другому так же трудно, как, скажем, собаке, которую травят, перестать лаять.

– Он у нас сообразительный, – поддакнул и Ким Валерьевич. – Могу поспорить, что он уже и про задание все знает...

– Слышал я, что фуры раз в неделю грабят... – улыбнулся Кирпич, показывая, что и задание он понимает.

– Сказать что-то по этому поводу можешь? – поинтересовался полковник Огнев.

– Могу... Это не «уголовка»... По крайней мере не наши... Кто-то из «залетных»... Каждый раз знают, что везут, знают, где реализовать... И все чисто... Я бы на «черных» подумал... Не на всех, а конкретно на чечен...

– Почему? – не понял я.

– Наглость... Наши так не наглеют... И вообще... Слышал я...

Виктор Николаевич головой покачал.

– Те, кого видели, были без масок – лица славянской внешности...

– Я тоже так слышал... – подтвердил Кирпич. – А зачем тогда другим маски? И почему другие вообще на деле между собой не разговаривают? Глухонемые?

– Попробуй узнать, – попросил Ким Валерьевич.

– Попробую... Только не уверен, что получится...

– Что так? – спросил я.

– Они машину наших ребят тормознули. Их уже ищут... Пока без толку...

– Хорошо, – согласился я. – Как только будет толк, сообщи...

– Телефон тот же... – сказал куратор. – Слышал, я Ярославу говорил?

– Слышал, только я забуду... Говорите, я в «мобилу» занесу... – Он достал трубку мобильного и стал под диктовку Кима Валерьевича вносить номер в «записную книжку».

Мне показалось, что Кирпич очень хочет показаться дурачком...

Умное, кстати говоря, решение. Такое желание только в его пользу говорит. Сработаемся!..

* * *

– Это первая помощь, которую я смог вам предложить... – сказал Ким Валерьевич, когда закрыл дверь за Кирпичом и вернулся в комнату. – Теперь помощь другого вида... Сначала – эта трубка... Спутниковый телефон, хорошая модель, одна из последних... Номер свой вы слышали, мой номер и номер полковника Огнева вы знаете... Прошу учесть, что трубка на контроле прослушивания. Если будет подключение, разговор сразу будет прерван, и вам сообщат причину и место, откуда осуществлялся контроль. Теперь следующий шаг...

Он ушел в соседнюю комнату и вернулся с цифровым фотоаппаратом.

– Сидите, пожалуйста, прямо... Документы вам сделают часа за два-три... Паспорт и водительское удостоверение, и лицензию на право ношения оружия. Только фотографии нужны разные. Вот так... Так...

Фотокамера тихо щелкала.

– Теперь переоденьте рубашку... Или... Виктор Николаевич, ваш спортивный костюм Ивану Сергеевичу подойдет... Уступите на пару минут... Только курточку... И прическу, что ли, измените... Можно, кстати, и щеки чуть-чуть надуть, чтобы полнее выглядеть... Могли же вы когда-то слегка поправиться...

Я быстро переоделся, потом усердно растрепал волосы. Они у меня короткие и потому прическу изменить трудно. Но щеки надуть я все-таки вполне сумел. Ким Валерьевич остался доволен. Фотокамера снова защелкала.

– Все. Теперь придется немного подождать... Я отправлю фотографии по электронной почте, их обработают, и курьер принесет мне документы в запечатанном конверте. Вы, кстати, можете пока выспаться после сегодняшней трудной ночи... – Он показал мне на дверь в третью комнату. – Когда услышите голоса, лучше не выходить. Не надо, чтобы вас у меня видели посторонние. А мы с Виктором Николаевичем пока обдумываем некоторые пугающие мероприятия.

Куратор удалился в другую комнату, и через распахнутую дверь я успел увидеть компьютер и еще какую-то оргтехнику, расставленную на двух письменных столах. Посмотрел на полковника Огнева.

– Отдыхай... – кивнул Виктор Николаевич. – Мы здесь, будь спокоен...

Говоря честно, я еще не настолько устал, чтобы мне непременно требовался отдых. Просто я начал входить в боевой режим, а боевой режим требует немалых энергозатрат, при минимальном пополнении сил. В общем-то, состояние, от которого я на пенсии не успел еще полностью отвыкнуть, вернулось без чрезмерной натуги. Но опыт прошлого одновременно говорил, что необходимо бывает запастись силами заранее, потому что никогда не знаешь, что может случиться вскоре. И я послушно ушел в маленькую комнату, где нашел диван, на котором вполне сумел поместиться. И даже подушка оказалась как раз той самой жесткости, что требуется мне для полноценного сна...

* * *

Уснул я, как обычно и бывало, просто по собственному приказу. Тренированный организм легко вошел в режим. Спал, кажется, без снов, но настороженно, потому что подсознание

хорошо знало: неугомонный ментовский нрав всегда яростно проявляется, когда в качестве жертвы представлен человек ихнего племени. Это в отличие от того случая, когда жертвой становится человек без ментовских погон... Естественно, сразу проснулся от звонка в дверь, словно мне требовалось выйти самому и дверь открыть.

Тихие голоса едва доносились, и разговор разобрать было нельзя. Потом входная дверь громко шелкнула замком, а еще через тридцать секунд приоткрылась дверь в комнату. Ким Валерьевич поймал мой взгляд.

– Проснулись? Ну и отлично, я так и думал, что вы проснетесь... Документы принесли... Мы ждем вас...

Они с полковником не торопились и дали мне время даже на то, чтобы умыться. Умывшись и вполне придя в сознание, я посмотрел документы. Неновые, сделаны аккуратно, подкопаться не к чему. Единственно, что мне не понравилось, – марка оружия, вписанного в лицензию. Пистолет «ПСМ», калибра 5,45. Это почти игрушечное оружие никогда мне не нравилось, хотя оно вполне подходит для скрытного ношения и при стрельбе издает довольно слабый звук, который и за выстрел-то принять сложно. Иногда такое тоже может сгодиться. Тем не менее рука офицера спецназа более привычна к тяжелому и надежному «стечкину». Но «стечкин» с его массивной деревянной кобурой гражданскому человеку не полагается, как и другое автоматическое оружие. Придется удовлетвориться тем, что дают.

– У вас же еще пистолет есть? – напомнил Ким Валерьевич.

– Да. Я его в тайнике пока спрятал...

– Придется, от греха подальше, сдать...

– Занесу... – согласился я, умолчав, что пистолетов у меня два.

– Ко мне приносить не надо. Передадите Виктору Николаевичу...

Куратор ушел в комнату с оргтехникой, вынес оттуда две связки ключей и пачку долларов в банковской упаковке.

– Деньги поменяете сами. Здесь десять тысяч. Это не казенные, это мои личные. Вернете, когда сможете... Ключи от машины... – протянул он первую связку. – Старенький «Фольксваген Гольф». Но бегаёт отлично... Двигатель с турбонаддувом... Ключи от квартиры, где вы зарегистрированы официально с прошлой недели... Это служебная квартира... Постарайтесь сохранить ее в том виде, в котором найдете... Оргтехника в вашем распоряжении, но если чем-то пользоваться не умеете, лучше не ломать...

Он посмотрел на полковника Огнева.

– С легализацией, кажется, все... Перейдем к рабочему вопросу... Вы составляли какой-то план мероприятий по поиску дорожной банды?

Я только плечами пожал.

– Я просто имел слишком мало фактов, чтобы составить такой план. Мне необходимо сначала провести предварительный поиск, чем я и планировал сразу заняться...

– И с чего вы свой поиск хотите начать? – настаивал он.

Мысль мне в голову пришла сразу.

– С людей, которые будут хоронить господина Брызгалова... Надеюсь посмотреть и за похоронами подполковника Фархутдинова, но издалека... Вдруг да одни и те же люди «засветятся»... Это будет уже вариант. Но до похорон кто-то будет еще и о самих похоронах хлопотать... И их хочу проконтролировать... Но это только завтра. Сегодня оба тела в судебно-медицинской экспертизе. Там менты один за другим приходят. Мне там лучше не «светиться»...

Ким Валерьевич переглянулся с полковником Огневым.

– Что же, может быть, вам какую-то мысль подаст капитан Тропилин. Оперативка у них, надо полагать, уже закончилась, и он вскоре может позвонить. А пока полковник Огнев отвезет вас сначала в квартиру, чтобы хотя бы знали, где вы уже с прошлой недели живете, потом в гараж и представит вас вашей машине... А я вынужден с вами попрощаться... Лично ко мне

не обращайтесь, поскольку, мне иногда кажется, я тоже под присмотром... Разве что по телефону... Мой номер тоже под контролем ГРУ, поэтому говорить можно свободно. Все остальные вопросы через полковника Огнева... Что-то экстренное понадобится или что-то произойдет, я сам вам сразу же позвоню...

* * *

– Как тебе понравился наш куратор?

Виктор Николаевич, к моему неудовольствию, теперь уже сам сел за руль своей машины, и чувствовалось, что он получает наслаждение от вождения – соскучился по родному рулю. Тем не менее голос его звучал не слишком радостно.

– Мне он не сильно понравился... – Я попытался ответить откровенно, но в то же время осторожно, поскольку именно куратору я уже многим обязан.

– Чем? Извини за вопрос... Тебя что-то смутило?

Полковник притормозил, чтобы посмотреть мне в глаза и не наехать на идущую впереди машину. Я взгляд не отвел, и мы, кажется, поняли друг друга. Пусть куратор считает Виктора Николаевича своим подопечным, следовательно, в какой-то мере и единомышленником, а я, по мнению Кима Валерьевича, – чужак здесь. Но он не учитывает, что мы с полковником оба, в отличие от него, спецназовцы, а это значит много. И мы всегда будем поддерживать друг друга.

– Понимаешь, я никогда такой заботы о своей персоне не испытывал... Даже во время службы... – сознался я. – И полагаю, что забота эта неспроста...

– Мне тоже так показалось... – полковник даже расслабился и заговорил своим обычным тоном. – Мне он тоже, кажется, не слишком доверяет, и на мой прямой вопрос ответил готовой «прикрышкой», которую ему даже искать не надо было... Кирпич, если ты помнишь, «слышал», что с машинами на дорогах работают чеченцы... Я тоже такое слышал. Поговаривают, что это те боевики, что сдались по амнистии и не смогли устроиться в мирной жизни... Их сейчас по России разбросало целыми бандами. И идет неофициальная война, которую власти стараются не замечать... Наш спецназ якобы видит это продолжением чеченской войны...

– И из-за этого проявлять обо мне такую заботу? Извини, не верится... Не стоит игра свеч... С чеченцами могли бы справиться и без меня...

– Я того же мнения...

– Тогда что ему от меня надо?

– Будем выяснять... Я по своим каналам, ты по своим... Но не говори об этих вещах по спутниковому телефону. С новыми документами ты вполне можешь купить себе простой мобильник...

– Тогда останови вон на том углу... Я последую твоему совету...

Салон мобильной связи видно было издали. Там же, кстати, и пункт обмена валюты...

ГЛАВА 4

МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ ШТОРМ,

старший следователь по особо важным делам

Прокурор области вызвал меня за полчаса до начала рабочего дня, что само по себе не совсем привычно. Правда, я уже был в своем кабинете, куда вернулся из поездки в Полтаво-3 сразу, чтобы не иметь дома неприятный разговор с женой, начатый, продолженный, но не оконченный, а только отложенный из-за срочного моего отъезда, не давшего ей возможности подобрать нужные слова вовремя, и ни по какой иной причине. Она никак не угомонится, хотя я твердо обещал, что со Светланкой я больше дела не имею и никогда больше к ней не зайду...

Прокурор позвонил мне сам. Наверное, дежурный доложил ему, что я сегодня самая ранняя птичка, и он решил выяснить, что нового в поиске беглого спецназовца. Если я появился в такую пору, это уже говорит о моем старании не перевестись через неделю на должность деревенского прокурора, как мне было уже конкретно обещано.

Поднявшись на начальственный этаж, я миновал пустую еще приемную, постучал в дверь и вошел, не дожидаясь приглашения. Так у нас принято было. Игорь Степанович стоял к двери спиной перед раскрытым сейфом.

– Доброе утро... – вяло сказал я, стараясь улыбаться предельно сонно.

Прокурор области всегда считает, что его подчиненные много спят и мало делают. А если они мало спят, резонно предположить, что делают они много. Это простой логический вывод, основанный на разновременных наблюдениях за прямым начальством, и вывод этот, как я многократно убеждался, правильный.

При моем появлении шеф торопливо закрыл сейф. Не успел, кажется, выпить традиционную рюмку коньяка, хотя, наверное, уже налил. По крайней мере время для этого он имел. Да пил бы, не стеснялся... Все равно каждый в прокуратуре знает, с чего начинается у Игоря Степановича рабочий день...

– У тебя, говорят, новости?

– Говорят, Игорь Степанович... Дело, сознаюсь, гораздо более сложное, чем показалось вначале. И резонанс оно должно вызвать соответствующий. Поэтому нам важно провести его тщательно и без шероховатостей, чтобы никто нас не мог ни в чем упрекнуть.

Я говорил его обычными словами и именно то, что он, как я понимаю, намеревался бы мне сказать после моего рапорта. Игоря Степановича изучить несложно. А когда изучишь, с ним можно ладить.

– Рассказывай... – Взгляд на сейф он все же бросил тоскливый. Значит, я прав, и выпить он не успел.

– Этот негодяй, видимо, возомнил себя суперменом, которому сам черт не страшен, Игорь Степанович... – Я не докладывал, я просто жаловался. Прокурор любил, когда к нему доверительно обращаются. Не по форме, а именно доверительно. И обиду своих подчиненных воспринимал, как свою собственную.

– Что так? – На этот раз он не сразу все понял. – Что-то не так?

Выразился Игорь Степанович коротко и одновременно емко, почти как Гай Юлий Цезарь. После такого вопроса можно и к сути переходить – так подсказал мне опыт многолетнего общения со своим прямым начальником.

– Поиск всю ночь не прекращался... Пока, как обычно, без результата, если не считать результатом задержание нескольких человек по тем или иным причинам – мелочи жизни... Мы подумали, он на дно на какое-то время залег, тогда его было бы вообще трудно перехватить. Но он не залег... Этот тип каким-то образом раздобыл номер моего мобильного и в половине

шестого утра позвонил мне. Хорошо, я только домой прибыл, еще лечь не успел, и голова почти ясно соображала...

– И что ему надо? Надумал сдаться? – с надеждой спросил прокурор. Он всегда возлагал большие надежды на самосознание преступников и искренне удивлялся, когда такового не встречал.

– Если бы так... А он, как оказалось, нас отвлечь пытается. Переводит стрелки на разные другие дела, чтобы не до него было... Или просто злит... Короче говоря, он предложил мне съездить в поселок Полетаево-3 и навестить там дом некоего Брызгалова... Там, дескать, будут интересные улики по убийству его жены...

Я перевел дыхание, как обычно бывает с засыпающим человеком, и даже переносицу потер, чтобы глаза перед начальством прояснились. Засыпающий человек всегда дыхание в разговоре переводит и упорно сосредоточивается, не сразу соображая, что сказать. И я эти признаки наглядно демонстрировал.

Игорь Степанович мой скромный артистический талант оценил.

– Вижу, ты совсем измучен. Но, извини, надо... Еще одно дело сегодня сделаешь и поедешь отсыпаться...

– Какое дело?

– Рассказывай сначала сам... Что там, в Полетаево-3? У меня там, кстати, дача... Тоже недостроена... Четвертый год... И значит...

– Я сразу ментов отправил, и сам туда двинул, уже вдогонку. Ночью дороги свободные. Быстро добрались. И кроме убитого на лестнице подполковника милиции Фархутдинова мы там ничего не нашли. А потом недалеко от того места, рядом с шоссе, сотрудники ГИБДД нашли тело самого Брызгалова. Оба тела сейчас отправлены на экспертизу, но убиты, похоже, одним методом и одним оружием – выстрел в лоб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.